

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Полоцкий государственный университет»

На правах рукописи

УДК 821 (430) 09 Гессе

*Сапега
Виталина Николаевна*

Тема Востока в творчестве Германа Гессе

1-21 80 09 Литература народов стран зарубежья (немецкая)

Диссертация

на соискание степени магистра филологических наук

Научный руководитель (консультант)
Гугнин А.А., доктор филологических
наук, профессор кафедры мировой
литературы и иностранных языков

Допущена к защите _____

Полоцк, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1 ПОНЯТИЕ ВОСТОКА В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ	7
Г. ГЕССЕ.....	
1.1 Восток в эссеистике Г. Гессе.....	7
1.2 Понятие Востока в романах Г. Гессе.....	19
ГЛАВА 2 ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ВОС-	25
ТОЧНОЙ ТЕМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Г. ГЕССЕ (НА ПРИМЕРЕ РО-	
МАНОВ «ДЕМИАН», «СИДДХАРТХА», «ПАЛОМНИЧЕСТВО В	
СТРАНУ ВОСТОКА»)	
2.1 Принцип двоемирия и единства мира.....	25
2.2 Мотив паломничества.....	43
2.3 Мотив одиночества.....	57
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	64
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	69
СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ НАУЧНЫХ РАБОТ.....	74

ВВЕДЕНИЕ

Герман Гессе (Hermann Hesse, 1877–1962) – немецкоязычный писатель конца XIX–XX века. Он являлся прозаиком, поэтом, а также художником. Свой след Гессе оставил в рамках таких художественных направлений, как неоромантизм и реализм, испытывал влияние классицизма и экспрессионизма.

В переходный период от XIX века к XX-ому в Европе возрос интерес к учениям древнего Востока. К художественному наследию Востока обращались в эту эпоху такие известные немецкие писатели, как Альфред Дёблин (Alfred Döblin, 1878–1957) «Три прыжка Ван-Луна» («Die drei Sprünge des Wang-Lun», 1915), Лион Фейхтвангер (Lion Feuchtwanger, 1884–1958) «Васантасены» («Vasantasena», 1916). Герман Гессе в ряду таких людей искусства занимает особое место.

В творчестве немецкоязычного писателя прослеживается значительное влияние философии Востока. Герман Гессе вырос в семье пиетистов-миссионеров и в восточных религиях видел не только экзотическую мудрость, но и способ мышления, который повлиял на его собственное мировоззрение. Интерес к Востоку в семье Гессе, освоение древнеиндийских и древнекитайских текстов, путешествие в такие страны Востока, как Малайзия, Суматра и Шри-Ланка, поспособствовали глубокому проникновению писателя в восточное мировосприятие. Гессе использовал формы и принципы восточного мышления в создании ментально-духовной модели мира и художественной реальности своих произведений, которые благодаря этому исполнены сложной символикой.

Герман Гессе, таким образом, еще в начале XX века почувствовал, что философия, как и религия, не имеет национальных и культурных границ и художественно воплотил это осознание. В обращении к религии и философии Востока немецко-швейцарский писатель видел способ остановить нравственную деградацию западного общества. Своей жизнью и творчеством Гессе показал пример плодотворного взаимодействия культурно-философских идей Запада и Востока. Для его творчества характерен ярко выраженный автобиографизм.

Черты восточного мировоззрения нашли свое отражение как в романах Германа Гессе «Демиян» («Demian», 1919), «Последнее лето Клингзора» («Klingsors letzter Sommer», 1920), «Сиддхартха» («Siddhartha», 1922), «Нарцисс и Гольдмунд» («Narziss und Goldmund», 1930), «Паломничество в Страну Востока» («Die Morgenlandfahrt», 1931), «Игра в бисер» («Das Glasperlenspiel», 1943), так и во многих его лирических сборниках: «Стихотворения» («Gedichte», 1902), «В дороге» («Unterwegs», 1911), «Стихотворения художника» («Gedichte des Malers», 1920), «Избранные стихотворения» («Ausgewählte Gedichte», 1921) и др. Герман Гессе представляет вниманию читателей духовно устремленных личностей, которые всю жизнь занимаются поисками смысла жизни и самих себя. На своем пути они сталкиваются с

проблемами внутренней дисгармонии и одиночества и пытаются найти баланс между миром обывателей и миром мыслителей и художников.

Творчество Гессе исследовали литературоведы различных стран. Самыми известными являются Бернхард Целлер (Bernhard Zeller) [46], Томас Файткнехт (Thomas Feitknecht), Урсула Апель (Ursula Apel), Е.Г. Мюнстер [38, 39], Н.В. Рожкова [41], Т.В. Терехова [43] и др. В Беларуси исследование творчества Гессе провела О.Б. Золотухина [18]. Также следует подчеркнуть, что переводами его прозаических и лирических произведений занимались С. Апт, Г. Ратгауз, В. Куприянов, С. Аверинцев, А. Северской, Е. Космач, А. Гугнин.

Влияние древних восточноазиатских учений на творчество Германа Гессе изучали такие исследователи, как Г. Бауман (G. Baumann) [49, 50], Э. Нойман (E. Neumann) [69], М. Лимберг (M. Limberg), Ю.О. Гутерман, Н.В. Кузнецова [25, 26], Э. Хильшер (E. Hilscher) [52] и другие. «Восточные» произведения Германа Гессе оказали значительное влияние на творчество современного белорусского писателя Игоря Бобкова, подтверждение чему мы находим в его романах «Адам Клакоцкі і ягоныя цені» (2001), «Хвілінка» (2014) и в стихотворном сборнике «Засынаць, прачынацца, слухаць галасы рыб» (2009).

Актуальность данной научной работы определяется общественно-культурной проблематикой взаимоотношений Запада и Востока. На сегодняшний день, процессы мировой интеграции и дезинтеграции составляют внутренние противоречия мирового развития, вызывают разногласия в политических, религиозных и культурных диалогах Востока и Запада. *«Духовно-нравственной основой появления глобальных проблем современности является широкое распространение идеологии потребительства, которая побуждает людей к бесконечной погоне за новыми вещами. Именно ориентация на материальные ценности и является главным заблуждением западной культуры, ставшей за последнее столетие лидером всей современной цивилизации и приведшей ее к грани глобальных катастроф. Само понятие культуры в западном мире является нечетким и многогранным. На Востоке же культура заключается в умении достижения состояния гармонии между духом, умом и телом»* [44, с. 35]. В то же время, в условиях все более возрастающих материальных ценностей личность, стремящаяся к духовному совершенствованию, испытывает проблемы во взаимоотношении с обществом и государством.

Научная новизна и теоретическая значимость исследования объясняется тем, что при рассмотрении влияния восточной философии на творчество Германа Гессе, большинство литературоведов ссылаются только на такие биографические факты писателя, как поездка в Индию (хотя в самой Индии он не был) и на дедушку Гессе, индолога-переводчика Германа Гундурта. При этом остается без внимания то, что писатель всю жизнь занимался изучением древних восточных текстов, и наиболее ярко в его произведениях прослеживается влияние китайского мировоззрения.

В настоящей работе делается попытка выявить все принципы разносторонних философских течений Китая в различных по жанровому своеобразие и тематическому наполнению романах Гессе.

Объектом данной исследовательской работы являются романы Г. Гессе «Демиан», «Сиддхартха», «Паломничество в Страну Востока».

Предметом диссертационного исследования стало художественное своеобразие трактовки восточной темы в романном наследии Г. Гессе.

Цель данного исследования – выявление способов художественного воплощения темы Востока в романах писателя.

В соответствии с поставленной целью выдвигается **гипотеза**, которая состоит в том, что в романах Германа Гессе тема Востока раскрывается посредством мотива паломничества, который интерпретируется как индивидуальный путь в глубины биполярного внутреннего «я» героев.

Для достижения поставленной цели и в связи с выдвигаемой гипотезой необходимо решить следующие **задачи**:

- проследить влияние восточных учений на мировоззрение Гессе;
- раскрыть понятие Востока в романном наследии писателя;
- рассмотреть принцип двоемирия и единства мира в романах Гессе;
- изучить мотив паломничества у Гессе;
- проанализировать мотив одиночества в романах писателя.

Методологической базой данной научной работы является историко-контекстуальный метод.

Теоретической основой диссертационного исследования послужили труды таких зарубежных литературоведов, как Б. Целлер, Р.Г. Каралашвили [22, 23], Ф. Лютцендорф (F. Lützkendorf) [67], Г. Майер (G. Mayer) [68], Р. Панвиц (R. Pannwitz) [70], А. Хсиа (A. Hsia) [65], З. Унсельд (S. Unseld) [73], Г. Коллер (G. Koller) [66], а также работа белорусского литературоведа О.Б. Золотухиной.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что результаты работы могут применяться при изучении творчества немецко-швейцарского писателя Германа Гессе, при написании курсовых и дипломных работ студентов-филологов, а также в курсах лекций, на семинарах по анализу художественного текста и по истории литературы Германии XX века. Результаты исследования могут представлять интерес для специалистов в области литературоведения.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Мировоззрение Германа Гессе формировалось под влиянием, как индуизма, так и многих китайских философских направлений.
2. Принципы древневосточных философских течений поспособствовали созданию сложной по структуре и символике художественной реальности произведений писателя.
3. Романы Германа Гессе «Демиан», «Сиддхартха», «Паломничество в Страну Востока» трактуются как романы становления или индивидуализации личности.

4. Герои романов достигают внутренней целостности посредством гармонизации полярности своей личности и внешнего бытия.
5. Процесс духовного самосовершенствования включает в себя как вынужденное, так и намеренное чувство одиночества персонажей.

Структура работы. Магистерская диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и списка опубликованных научных работ соискателя.

Во введении разъясняется выбор темы и актуальность исследования; определены объект, предмет, цель, задачи и методология исследования; обоснованы новизна, теоретическая и практическая значимость работы; сформулированы основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Понятие Востока в жизни и творчестве Германа Гессе», состоящей из двух подглав, рассматривается влияние древних восточных традиций на мышление и творчество немецко-швейцарского писателя.

Вторая глава «Идейно-художественное воплощение восточной темы в творчестве Германа Гессе (на примере романов «Демьян», «Сиддхартха», «Паломничество в Страну Востока)», состоящая из трех подглав, посвящена способам художественной реализации темы Востока в романном наследии писателя. В данной главе проводится анализ принципа двоемирия и единства мира, мотивов паломничества и одиночества.

В заключении излагаются основные выводы по проведенному исследованию.

В списке использованной литературы представлено 73 литературных источника, 25 из которых на немецком языке.

Общий объем магистерской диссертации составляет 74 страницы.

ГЛАВА 1 ПОНЯТИЕ ВОСТОКА В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ Г. ГЕССЕ

1.1 Восток в эссеистике Г. Гессе

Немецкоязычный поэт и писатель Герман Гессе прошел сложный путь к вершинам самопознания и творчества. Его произведения концентрируют в себе уникальный опыт поисков человеком своей неповторимой индивидуальности, своего «я». И путь этот лежал через изучение писателем восточной философии, для которой характерны погружение в себя, поиск истины и Бога в самом себе, всегда сопровождающиеся одиночеством. Большинство произведений писателя носят во многом автобиографический характер, а также отражают социально-политические проблемы XX века и интересны не только взрослому, опытному читателю, но и молодому, наивному, который только вступает на путь самопознания.

Интерес и любовь к восточной философии зародились у Гессе с раннего детства. Его дедушка с материнской стороны Герман Гундерт долгое время работал в Индии как протестантский миссионер, был индологом-переводчиком, библиофилом и эзотериком. Известно также, что он перевел Библию на малайялам, составил грамматику языка малайялам и малайялам-английский словарь [18, с. 35]. Мать писателя Мария Гундерт родилась в Индии. Она была очень религиозной и в то же время общественно-деятельной женщиной, знала пять языков, обладала литературными и музыкальными талантами. Гессе воспитывали в строгости, уделяя большое внимание вопросам этики и религии. В этой необычной семье восточная традиция была глубоко укоренена. Ребенок-Гессе «впитывал» Восток с буддийскими молитвами, рассказами об экзотических странах. Тем самым была подготовлена почва для более глубокого усвоения философии и религии Индии и Востока. В доме, где рос Гессе, царил не только восточная атмосфера, в нем соединялись миры Запада и Востока. Описание отчего дома мы находим в повести «Детство волшебника» («*Kindheit des Zauberers*», 1923): *«Лучи многих миров переkreщивались в этом доме. Здесь молились и читали Библию, здесь занимались индийской филологией, здесь постоянно звучала прекрасная музыка, здесь знали о Будде и Лао-цзы; гости приезжали из разных стран, привозя на своих одеждах дыхание чужбины..., здесь кормили бедных и праздновали праздники, наука и сказка были здесь неразлучны..., разными красками переливался свет, богато и многообразно звучала жизнь»* [4].

Нелюбовь писателя к христианству и теологии породила в нем интерес к глубокому изучению философии и мировоззрения Востока. Молодой Герман Гессе исследовал философские идеи Артура Шопенгауэра (Arthur Schopenhauer, 1788–1860), и впервые в 1907 году начал заниматься йогой и аскетизмом [34]. Кроме того, Гессе читал «Бхагавадгиту», «Упанишады», буддийские легенды, Конфуция, Лао-цзы, Янг Чау и Чжуан-цзы в немецком переводе. Как отмечают исследователи творчества Гессе Г. Мюллер и М.

Лимберг, знакомство с Г. Грезэром (1879–1958), бродячим немецким философом, художником и поэтом, увлеченным Востоком, и крепкая дружба с Р. Вильгельмом (1873–1930), знатоком и переводчиком восточных текстов, вызвали у писателя еще больший интерес к изучению китайской философии.

В сентябре 1911 года Герман Гессе вместе с художником Хансом Штурценеггером отправляется в путешествие в Индию, на родину матери писателя, и Китай. Эта поездка была вызвана не только давним желанием писателя увидеть своими глазами родину матери, увидеть страны, философией которых он интересовался с юных лет. Это путешествие явилось также своеобразным бегством Германа Гессе от бюргерской оседлости в Гайенхофене (1904–1911).

Изначально писатель надеялся устроить свою жизнь где-нибудь в глуши, на лоне природы как независимое частное лицо, не признающее ни политики, ни общественных институтов, живущее вдали от лживой современности. Тем самым он надеялся обрести счастье и душевный покой. Но со временем Гессе понимает, что бюргерская оседлость в Гайенхофене тяготит его и писатель переживает душевный кризис. Он находится в состоянии глубокой депрессии, одиночества и уныния из-за брака с Марией Бернулли.

С этой женщиной Герман Гессе познакомился во время путешествия по Италии в 1903 году. Мария была уроженкой Базеля из старинного рода ученых и старше Гессе на 9 лет. Летом 1904 года они поженились. Однако этот брак не был удачным. Мария Бернулли не разделяла взглядов мужа, в семье царил непонимание, кроме того она страдала душевной болезнью. Едва женившись и став оседлым, Гессе почувствовал себя находящимся в стране филистеров, достигнутое чувство уединения и уюта порождало желание вернуть прежнюю свободу. Кроме того, большой объем работы (писательство, редакционная и литературно-критическая деятельность, новые издания старых поэтов, составление антологий), поездки, болезнь глаз самого писателя, жена и дети, сад, — все это угнетало его; писателю казалось, что упущено многое из того, что он хотел бы еще сделать. А общественно-политический (европейский) кризис побуждал его к поиску более счастливой, духовной жизни, которую он надеялся найти в странах Востока.

Гессе посетил Шри-Ланку, Малайзию и Суматру. В «Воспоминании об Индии» («Erinnerung an Indien», 1912) в Пенгане он пишет: *«впервые нас встретила бьющая ключом жизнь азиатского города, впервые увидели мы между бесчисленными коралловыми островами зеркало индийского моря и, с изумлением, пестрые проявления жизни в переулках индусского города, китайского города, малайского города. Дикая красочная человеческая толпа в переполненных переулках, ночное светящееся море, неподвижные кокосовые пальмы, отражающиеся в нем, робкие голые дети, темные рыбаки-гребцы в первобытных челнах»* [46, с. 93]. Из-за незнания языка и плохого состояния здоровья Гессе не удалось поближе познакомиться с Индией. Ему пришлось отказаться от продолжительного пребывания в Индокитае и от посещения Малабара. То, что Гессе искал, природу тропиков и впечатления от преиму-

щественно азиатской жизни, он нашел и решил этим удовлетвориться. Кроме того, после изучения индуистской и буддийской мудрости писатель надеялся увидеть в Индии мудрый духовно развитый народ, но обнаружил в этой стране те же общественные проблемы, что и в Европе. Встреча с Индией не принесла ему ожидаемого внутреннего освобождения. В своем путешествии в страны Востока и в изучении восточной философии Гессе пытался найти освобождение для Европы. Но позже писатель осознает, что он *«должен был перестать враждовать с Европой в своем сердце, должен был сделать своими в своем сердце истинную Европу и истинный Восток»* [46, с. 95]. Таким образом, обращение Гессе к восточной философии также объясняется культурно-историческими причинами. В условиях приближающейся Первой мировой войны, а затем и Второй мировой войны многие другие немецкие писатели (А. Дёблин, Л. Фейхтвангер), в том числе и европейские видели в восточном мировоззрении способ остановить моральное падение западного человека.

Если индийцы и малайцы разочаровали Германа Гессе, то китайцы произвели на него невероятное впечатление безусловной силы и светлого будущего. Гессе восхищается китайской природой и народом Китая: *«Этот первобытный ландшафт сказал мне намного больше, чем все остальное, что я видел в Индии. Пальмы и райские птицы, рисовые поля и храмы богатых городов на побережье, плодородные долины тропических низменностей, – все это, и даже первобытный лес, было прекрасно и волшебно, однако чуждо мне, причем настолько, что я не видел никакой возможности ощутить это когда-либо близким и всецело моим. Полные тоски, приезжаем мы на юг и восток, движимые темным, благодарным предчувствием родины, и мы находим здесь рай, изобилие и роскошь всех природных даров, мы находим скромных, прелестных людей – детейрая. Но мы сами – иные, мы здесь чужие и не имеем прав гражданства, – мы, утратившие рай, – и то новое, что мы хотим иметь и построить, находится не у экватора и не у теплых морей Востока – оно заключено в нас самих и в нашем собственном северном будущем»* [46, с. 94]. Гессе считает, что истину надо искать не в далеких странах, а в нас самих, что она сокрыта в глубине каждого человека.

Следует также упомянуть, что в начале 1916 года физическое и психическое состояние Гессе было настолько тяжелым (переживания из-за войны, напряженная работа в «Книжном центре для немецких военнопленных в Берне», смерть отца в 1916 году, опасная болезнь сына, семейные неурядицы и вспышки душевной болезни у жены, после которых Мария была помещена в лечебное заведение), что ему пришлось прервать свою работу и начать курс психоаналитического лечения в люцернской клинике Зоннматт. С помощью доктора Йозефа Бернхарда Ланга (Josef Bernhard Lang), ученика Карла Густава Юнга, вскоре ставшего его другом, а также благодаря собственным занятиям по изучению трудов Зигмунда Фрейда и Юнга Гессе удалось совладать с душевными противоречиями, мучившими его с молодости, и преодолеть свое тяжелое психическое состояние.

В течение своих поисков Гессе пришел к выводу, что китайская философия ему ближе, чем индийская. То, что в философии Индии ставится на первый план: равнодушие и аскеза, воплощенные в бегстве из социума, не удовлетворяло Гессе в его духовных поисках. В учениях Китая он видел эффективные способы, которые могут помочь человечеству прийти к гуманности, развить духовность и стремление к самопознанию и самосовершенствованию. Литературные и философские тексты Китая писатель читал в немецком переводе Рихарда Вильгельма (Richard Wilhelm), с которым Гессе связывали дружеские отношения. Больше всего писателю импонировала практическая, основанная на жизненном опыте особенность китайской философии. А именно то, что Китай, в противовес Индии признает духовное развитие не только через опыт духовный, но и через материальный, чувственный опыт, достигаемый среди общества, не лишенный также юмористического отношения к жизни. Доказательство этому суждению мы находим в эссеистическом произведении Гессе «Библиотека всемирной литературы» («Eine Bibliothek der Weltliteratur», 1927): *«Wenn Indien in der Askese und im mönchischem Weltentsagen Hohes und Rührendes erreicht hatte, so hatte das alte China nicht minder Wunderbares erreicht in der Zucht einer Geistigkeit, für welche Natur und Geist, Religion und Alltag nicht feindliche, sondern freundliche Gegensätze bedeuten und beide zu ihrem Rechte kommen. War die indisch-asketische Weisheit jugendlich-puritanisch in ihrer Radikalität des Forderns, so war die Weisheit Chinas die eines erfahrenen, klug gewordenen, des Humors nicht unkundigen Mannes, den die Erfahrung nicht enttäuscht, den die Klugheit nicht frivol gemacht hat»* [54, S. 369] // *«Если Индия в своей аскезе и в монашеском отречении от мирского достигла величия и умиления, то древний Китай достиг не меньших чудес в воспитании духовности, для которой природа и дух, религия и повседневность обозначают не враждующие, а дружественные понятия и для которой все они имеют место быть. Если индийско-аскетичная мудрость в своей радикальности была по-пуритански юной, то мудрость Китая представлялась в образе опытного, умного, не лишённого чувства юмора человека, который не разочаровался в своем опыте и не стал фривольным в силу своего интеллекта»*¹.

Еще в начале XX века писатель пришел к пониманию, что философия, как и религия, не имеет национальных и культурных границ. Гессе считал, что все культуры имеют единую основу, что все расы, нации в корне являются «одним человечеством», поэтому он не стремился заменить свою собственную культуру на восточную, а скорее соединить в своем творчестве западное и восточное мировоззрение, сделав свои произведения понятными для западного человека. В своем «Дневнике» («Tagebuch», 1920–1921) Гессе пишет, что необходимо перенять от китайской мудрости то лучшее, что она нам, западным людям, может дать и найти это, прежде всего, в нас самих: *«Wir können und dürfen nicht Chinesen werden, wollen es im Innersten auch gar nicht. Wir dürfen Ideal und höchstes Bild des Lebens nicht in China und nicht in irgend-*

¹ Здесь и далее перевод наш. – В. С.

einer Vergangenheit suchen, sonst sind wir verloren und hängen an einem Fetisch. Wir müssen China, oder das, was es uns bedeutet, in uns selber finden und pflegen» [53, S. 21] // «Мы не можем стать китайцами, нам непозволительно стать ими, и в глубине души мы этого не хотим. Нам не следует искать высший идеал и образец жизни в Китае и в далеком прошлом, иначе нас можно считать пропащими и зависимыми от некоего фетиша. Мы должны обнаружить Китай и то, что он собой являет, в самих себе и сохранить его». В своем творчестве Гессе стремился показать важность достижения взаимопонимания между народами, между Западом и Востоком не только с точки зрения политики и религии, а, прежде всего, с точки зрения духовного единства: «Die ernsthafte und fruchtbare Verständigung zwischen Ost und West ist nicht nur auf politischem und sozialem Gebiet die große, noch unerfüllte Forderung unserer Zeit, sie ist eine Forderung und Lebensfrage auch auf dem Gebiet des Geistes und der Lebenskultur. Es geht heute nicht mehr darum, Japaner zum Christentum, Europäer zum Buddhismus oder Taoismus zu bekehren. Wir sollen und wollen nicht bekehren und bekehrt werden, sondern uns öffnen und weiten, wir erkennen östliche und westliche Weisheit nicht mehr als feindlich sich bekämpfende Mächte, sondern als Pole, zwischen denen fruchtbares Leben schwingt» [53, S. 187] // «Серьезное и плодотворное взаимопонимание между Востоком и Западом не является чем-то главным в политической и социальной сферах, не представляет собой неосуществленное требование нашего времени. Это жизненно важный вопрос в духовной области и в культурной жизни. На сегодняшний день уже нет и речи о том, чтобы обратить японцев в христианство, а европейцев в буддизм или даосизм. Мы не должны и не хотим кого-то обратить или быть обращенными. Мы обязаны раскрыть самих себя, расширить свой кругозор, и тогда восточная и западная мудрость перестанут восприниматься нами как враждебные и борющиеся силы, и мы примем их как полюса, между которыми протекает плодотворная жизнь».

Герман Гессе также поддерживал идею Янг Чау о четырех зависимостях (долгая жизнь, слава, карьера, богатство), которые подтолкнули человечество к войнам и разрушениям. Современным человеком владеют данные зависимости, и он живет бессмысленной жизнью, вследствие чего, человек творит свою судьбу извне. Однако, по мнению Янг Чау, человек, свободный от этих четырех зависимостей, создает свою судьбу изнутри, т.е. с помощью познания своего внутреннего «я» достигает гармонии и счастья. Таким образом, писатель все же видит в культуре Китая своеобразное спасение для европейского народа. В эссе «Китайцы» («Chinesen», 1913) Гессе пишет о том, что без постижения европейским народом восточного мировоззрения невозможно остановить нравственную деградацию Европы: «Unseren aktuellen Kulturidealen ist das chinesische so entgegengesetzt, daß wir uns freuen sollten, auf der anderen Hälfte der Erdkugel einen so festen und respektablen Gegenpol zu besitzen. Es wäre töricht, zu wünschen, die ganze Welt möchte mit der Zeit europäisch oder chinesisch kultiviert werden; wir sollten aber vor diesem fremden Geist jene Achtung haben, ohne welche man nichts lernen und aufnehmen kann, und sollten

den fernsten Osten ebenso zu unseren Lehrern rechnen, wie wir es seit langem mit dem westasiatischen Orient getan haben» [60, S. 103] // «Наши культурные идеалы настолько противопоставлены китайским, что мы должны радоваться и тому, что имеем такой прочный и респектабельный противоположный полюс в другой части земного шара. Было бы неразумно желать, чтобы весь белый свет со временем культивировал европейские или китайские ценности. Однако нам следовало бы почитать этот чуждый нам дух, без которого невозможно было бы постичь любое знание, и нам надлежало бы причислить Дальний Восток к нашим наставникам, как в давности мы поступили с Западно-азиатским Востоком».

Разница между восточным и западным мировоззрением, на которую делал акцент Герман Гессе, тезисно представлена в Таблице 1.

Таблица 1. – Разница между философией Запада и Китая [65]

	<i>Западная философия</i>	<i>Китайская философия</i>
<i>Представление</i>	Абстрактная система	Правила для практического применения в жизни, «жизненная мудрость»
<i>Отрасли</i>	Логика, эстетика, метафизика	Этика, политика
<i>Цель</i>	Познание ради познания	Познание ради преобразования мира
<i>Методы</i>	Дедукция: тезис–доказательство	Интуиция: опыт–интерпретация
<i>Основной принцип</i>	Мышление, основанное на противоположности понятий: «либо то, либо это»	Мышление, основанное на взаимодополняемости вещей: «как, так и»

Занимаясь изучением восточных религиозно-философских идей, принципов, способов и форм мышления, Герман Гессе, перерабатывая их по-своему, «использовал их в построении ментально-духовной модели мира и собственно художественной реальности, которая приобретала условный, знаково-символический характер» [18, с. 34].

Наибольшее влияние на мировоззрение и творчество писателя оказала китайская философия, а именно такие течения, как даосизм, конфуцианство, дзэн-буддизм и концепция инь и ян.

Гессе осваивал **даосские** идеи, читая книги Лао-цзы «Дао дэ цзин» («Книга пути и достоинства», V в. до н.э.) [28], Чжуан-цзы «Чжуан-цзы» (III в. до н.э.) [47] и Ле-цзы «Ле-цзы» (III в. до н.э.) [29].

Философия даосизма делает акцент на единстве всех вещей на Земле, вечном круговороте жизни и полярности бытия. Основными принципами, которые выделяет даосизм, являются анархизм (лучшее правительство то, которое не правит), «асоциальность» (подобающее место находится вне общества), обращение к своему внутреннему «я», возврат к природе. Целью че-

ловеческой жизни является путь самосовершенствования, который ведет к достижению Дао. Дао – это такая категория, откуда *«возникает полярность инь и Ян и вследствие этого возникают противоположности, из согласованности действий которых возникают перемена, движение и взаимное проникновение – и вследствие этого возникает мир»* [42]. Достижение Дао является синонимичным понятиям нахождения своего «я», самозабвения и возврата к первоначальному (божественному) состоянию. На пути поиска своего «я» достижения цивилизации и культуры при этом являются помехой.

Состояния Дао можно достичь с помощью четырех основных принципов:

1. Ничегонеделание (*«...о мудром каждый говорит, что в бездействии, но он творит»* [42]). Ничегонеделание в данном случае обозначает не бездействие, а естественное духовное развитие;
2. Молчание (*«Тот, кто знает, не говорит. Тот, кто говорит, не знает»* [42]);
3. Отвержение знаний (*«Умный каждый день пополняет свои знания. Мудрый каждый день стирает лишнее»* [42]);
4. Избежание учений (*«Следует осторожно относиться к разного рода догматическим утверждениям или оценкам, основанным на нашем ограниченном опыте, — они ведут к ошибкам и искажениям»* [42]).

Философия даосизма была очень близка самому Герману Гессе с точки зрения ухода от общества (из мира обывателей), самосовершенствования, поиска Дао, своего внутреннего «я»: *«Er ist für mich seit vielen Jahren das Weiseste und Tröstlichste, was ich kenne, das Wort Tao bedeutet für mich den Inbegriff jeder Weisheit»* [54, S. 257] / *«Вот уже много лет это является самым мудрым и утешительным из всего, что я знаю, слово «Дао» для меня представляет собой воплощение мудрости»*.

Постигать учение Лао-цзы, по мнению Гессе, необходимо всем людям для достижения мира и гармонии: *«Die Weisheit, die uns nottut, steht bei Lao tzu, und sie ins Europäische zu übersetzen, ist die einzige Aufgabe, die wir zur Zeit haben»* [54, S. 248] // *«Мудрость, в которой мы нуждаемся, встречается у Лао-Цзы, и перевести ее на европейские языки является единственной нашей задачей на сегодняшний день»*. В даосской философии писатель видел не только истины, которые благотворно влияют на образ мышления отдельных личностей, находящихся в поисках истины, но и мировоззрение, которое могло бы оказать положительное влияние на всю западную культуру, о чем он сообщает в эссе «Китайское размышление» («Chinesische Betrachtung», 1921): *«Und es zeigt sich, daß das Denken des alten China, zumal das des frühen Taoismus, für uns Europäer keineswegs eine entlegene Kuriosität ist, sondern uns im wesentlichen bestätigt, in Wesentlichem berät und hilft. Nicht als ob wir aus diesen alten Weisheitsbüchern plötzlich eine neue, erlösende Lebensauffassung gewinnen könnten, nicht als ob wir unsere westliche Kultur wegwerfen und Chinesen werden sollten! Aber wir sehen im alten China, zumal bei Lao Tse, Hinweisen auf eine Denkart, welche wir allzusehr vernachlässigt haben, wir sehen dort*

Kräfte gepflegt und erkannt, um welche wir uns, mit anderem beschäftigt, allzulange nicht mehr gekümmert hatten» [56, S.68] // «Оказывается, что мышление, господствующее в древнем Китае, в особенности ранний даосизм, ни в коем разе не кажется европейцам отдаленной курьезностью. Напротив, оно нас существенно поддерживает, выручает нас. Но это вовсе не означает, что неожиданным образом из этих старинных мудрых книг мы смогли бы обрести новую избавительную жизненную трактовку или отбросили бы нашу западную культуру, став при этом китайцами! В древнем Китае, в особенности, в философии Лао-Цзы, мы видим намеки на тот образ мышления, которым мы пренебрегли, мы видим там сохранившиеся силы, о которых мы, занявшись чем-то иным, уже долгое время не пеклись».

Герман Гессе также изучал философию **конфуцианства**, представленную в древнекитайских трудах Лунь Юя «Аналекты Конфуция» (V в. до н.э.) [31] и Мэн-цзы «Мэнцзы» (III в. до н.э.) [37].

«Конфуцианство – это этико-политическое и религиозно-философское учение о нравственном поведении человека и основанном на морали, социальном порядке» [40]. Каждый член общества должен следовать формальному кодексу морали, главными положениями которого являются гуманность, справедливость и правильное поведение. Кто преступает законы этого кодекса, перестает быть членом общества. Одно из основных положений конфуцианства – это то, что все изменения начинаются с отдельного человека. Только тот может изменить общество в лучшую сторону, кто сам занимается самосовершенствованием, развивает в себе духовные качества.

Идеи конфуцианства стали близки Герману Гессе не с самого начала его знакомства с этим мировоззрением. Будучи одинокой личностью, сторонящейся мира обывателей, Гессе остается чуждым учение о социальном порядке. Этому мы находим подтверждение в письме Гессе Рихарду Вильгельму («Aus einem Brief an R. Wilhelm», 1926): *«Ihre chinesische Welt zieht mich mit ihrer magischen Seite an, während ihre prachtvolle moralische Ordnung mir, dem Unsozialen, bei aller Bewunderung fremd bleibt. Auf dem dünnen Ast, auf dem ich sitze, blüht die Blume der staatlichen, familiären und gesellschaftlichen Beziehungswelten leider nicht» [53, S. 79] // «Их китайский мир притягивает меня своей магической стороной. И в то же время при всем восхищении их великодушный моральный порядок для меня, асоциальной личности, остается чуждым. К сожалению, на том тонком суку, где я сижу, не цветет цветок государственных, семейных и общественных связей».* Однако писатель не противопоставляет даосизм конфуцианству, не выделяет превалирующую роль одного из этих мировоззрений. Для него эти учения являются взаимодополняющими друг друга: *«Die Weisheit dieser alten Chinesen ist, wie jede Weisheit, zum Teil Tugendlehre; dies ist der konfuzianische Teil der chinesischen Philosophie. Zum Teil ist sie aber auch Mystik, Ergebnis einsamer Meditation und Vorstoß in die glühendsten Regionen seelischen Lebens – dies ist der taoistische Teil. Gemeinsam ist beiden der Geist der Ehrfurcht und Lauterkeit, der Verzicht auf jedes Schönsein und jede Sophistik, und eine gewisse über allem schwebende*

Heiterkeit, eine gewisse Diesseitigkeit oder Weltfrömmigkeit» [53, S. 93] // «Мудрость этих древних китайцев, как и других мудрых народов, отчасти заключается в учении о добродетели (о чем, к примеру, говорит конфуцианская сторона китайской философии). Отчасти она является и мистикой, результатом одинокой медитации, проникновением в раскаленные глубины души (что характерно для даосизма). Общим для обеих вышеназванных является дух благоговения и искренности, отказа от внешней стороны, всякого рода софистики и некоего парящего надо всем веселья, от некой поусторонности и мировой набожности».

Разница между философскими учениями конфуцианства и даосизма кратко передана в Таблице 2.

Таблица 2. – Разница между конфуцианством и даосизмом

	Конфуцианство	Даосизм
Цель	Политический порядок	Личная свобода
Лучшее правительство	Правительство, ставящее своей целью моральное воспитание общества	Отсутствие управления (управлять так, чтобы народ не чувствовал на себе влияние управления)
Цивилизация и культура	Положительное влияние	Отрицательное влияние
Основные понятия	Гуманность, справедливость, соблюдение традиций	Естественность (возврат к природе)
Поиск внутреннего «я»	С помощью действия, учения, знания	Через ничегонеделание, без чьих-либо учений и посторонних знаний (чужое учение может лишь подсказать путь, но дорога каждого самостоятельна, а истина индивидуальна)
Общественное положение ученого	Наличие должности	Должность не является приоритетным явлением

Еще одно древнекитайское литературное произведение, оказавшее влияние на мировоззрение Германа Гессе – это «И цзин» или «Книга перемен» (II в. до н.э.) [43] Фу Си.

Гессе изучал эту книгу, как и многие другие китайские произведения, в переводе Рихарда Вильгельма. Книга вышла в немецком переводе в 1924 году. Герман Гессе был захвачен «И цзин», говорил о ней с воодушевлением и эйфорией: *«Es ist in diesem Buch ein System von Gleichnissen für die ganze Welt aufgebaut.... Wenn man eine der Zeichen-Kombinationen anblickt, sich in Kian, das Schöpferische, in Sun, das Sanfte, vertieft, so ist das kein Lesen, und es ist auch kein Denken, sondern es ist wie das Blicken in fließendes Wasser oder in ziehende Wolken. Dort steht alles geschrieben, was gedacht und was gelebt werden*

канн» [54, S. 33] // «В данной книге выстроена система всемирных притчей... Если посмотреть на одну из комбинаций знаков, погрузиться в Киан, в созидательное начало, в Сун, в мягкость, то это не чтение и не мышление, а словно взор на текущую воду или на плывущие по небу облака. Там прописано все, о чем можно подумать и что можно пережить».

В «И цзин» отчетливо описывается одна из основных концепций китайской натурфилософии **инь и ян**, согласно которой все непрерывно меняется, а все вещи возникают из единства противоположностей (инь и ян), которые взаимодействуют и дополняют друг друга. Разнообразие рождается из первоначального единства. Целью человеческой жизни является достижение баланса, гармонии противоположностей. Однако невозможно прийти к окончательной победе, так как конца как такого не существует. Таким образом, «Книга перемен», делая акцент на такие категории как движение и процесс, побуждает ищущих истину личностей к действию и развитию, к достижению внутренней гармонии.

Согласно учению инь и ян, инь воспринимается как негативное, холодное, темное и женское начало, а ян – как позитивное, светлое, теплое и мужское начало.

В повести «Курортник» («Kurgast», 1925) Гессе выражает свое отношение к китайской концепции инь и ян, единства противоположностей, восхищаясь этой истиной, которая ему открылась в «Книге перемен»: *«Ich möchte einen Ausdruck finden für die Zweiheit, ich möchte Kapitel und Sätze schreiben, wo beständig Melodie und Gegenmelodie gleichzeitig sichtbar wären, wo jeder Buntheit die Einheit, jedem Scherz der Ernst beständig zur Seite steht. Denn einzig darin besteht für mich das Leben, im Fluktuieren zwischen zwei Polen, im Hin und Her zwischen den beiden Grundpfeilern der Welt. Beständig möchte ich mit Entzücken auf die selige Buntheit der Welt hinweisen und ebenso beständig daran erinnern, daß dieser Buntheit eine Einheit zugrunde liegt; beständig möchte ich zeigen, daß Schön und Häßlich, Hell und Dunkel, Sünde und Heiligkeit immer nur für einen Moment Gegensätze sind, daß sie immerzu ineinander übergehen. Für mich sind die höchsten Worte der Menschheit jene paar, in denen diese Doppeltheit in magischen Zeichen ausgesprochen wird, jene wenigen geheimnisvollen Sprüche und Gleichnisse, in welchen die großen Weltgegensätze zugleich als Notwendigkeit und als Illusion erkannt werden»* [61, S. 198] // «Я бы хотел найти подходящее определение дуализма, я хотел бы написать главы и строки, где бы постоянно видны были мелодия и контр-мелодия одновременно, где за каждой пестротой постоянно скрывалось бы однообразие, за каждой шуткой – серьезность. Ведь в единственном только заключается жизнь для меня – в лавировании между двумя полюсами, в метании между сложившимися в мире устоями. Я всегда стремился с восхищением указывать на блаженную пестроту мира и хотел постоянно помнить о том, что в основе этой пестроты лежит однообразие. Я всегда намеревался доказать, что Прекрасное и Безобразное, Свет и Тьма, Грех и Святость являются противоположностями лишь на мгновение, и что они всегда переходят друг в друга. Для меня выс-

шими словами человечества являются те, в которых эта двойственность выражена магическими знаками, те немногие окутанные тайной изречения и притчи, где главные противоположности мира признаются как необходимыми и в то же время иллюзорными».

Герман Гессе занимался изучением восточной философии на протяжении всей жизни. Так в 1950-е годы он знакомится со сборником дзэнских коанов (диалогов) «Речения с лазурного утеса» (X в. н.э.), которые излагают знания и опыт китайских мастеров чань, одной из школ буддизма. Гессе читал эту книгу в переводе своего кузена японоведа Вильгельма ГундERTA (Wilhelm Gundert).

На Германа Гессе произвел большое впечатление пример **дзэн-буддистских** монахов, которые несли учение не с помощью словесно сформулированных знаний, а без слов, через пример своего личного самосовершенствования: *«Von jeder Wahrheit ist auch das Gegenteil wahr. Denn jede Wahrheit ist kurze Formel für den Blick in die Welt von einem bestimmten Pol aus, und es gibt keinen Pol ohne Gegenpol»* [53, S. 457] // *«У каждой правды есть своя правдивая противоположность. Ведь любая правда есть краткая формула взгляда на мир с одного определенного полюса, а всякий полюс имеет себе противоположный».* Эти монахи постигали природу противоположностей, преодолевали их в себе с помощью погружения в себя и продолжительных медитаций.

Практики дзэн-буддизма направлены на успокоение ума, освобождение от жестких авторитетных знаний и «отпускание» привязанностей. Дзэн-буддизм не приемлет всякого рода письменные поучения и наставления. Согласно данному направлению китайской философии, *«человек должен искать истину в самом себе, ему можно лишь подсказать путь достижения просветления, позволяющего «увидеть собственную природу» и таким образом постичь Будду»* [42]. Кроме того, в сборнике коанов «Речения с лазурного утеса» содержатся примеры парадоксальных, противоположных советов, которые могут давать наставники своим ученикам: *«медитируй, чтобы успокоить ум; больше старайся»; «не старайся достичь просветления, а просто отпусти всё происходящее»* [42]. Коаны (короткие истории) повествуют о конкретных случаях достижения просветления, либо содержат парадоксальную загадку-алогизм. Основной задачей коанов является пробуждение ума слушающего или читателя.

Герман Гессе ощущал на себе влияние восточного мировоззрения с раннего детства, что было связано с его дедушкой, миссионером и индологом-переводчиком, а также матерью писателя, родиной которой была Индия. С юных лет Гессе изучал философию Индии и Китая, читал в немецком переводе «Бхагавадгиту», «Упанишады», Конфуция, Лао-цзы, Янг Чау и Чжуан-цзы. Большое влияние на писателя оказало путешествие в страны Востока – Малайзию, Суматру и Шри-Ланку. Герману Гессе была наиболее близка китайская философия. То, что в философии Индии ставится на первый план: равнодушие и аскеза, воплощенные в бегстве из социума, не удовлетворяло

Гессе в его духовных поисках. В учениях Китая он видел эффективные способы, которые могут помочь человечеству (в особенности западному) прийти к гуманности, развить духовность и стремление к самопознанию и самосовершенствованию. Наибольшее влияние на мировоззрение Гессе оказали такие китайские религиозно-философские течения, как даосизм, конфуцианство, дзэн-буддизм и концепция инь и ян.

PolotskSU

1.2 Понятие Востока в романах Г. Гессе

Герман Гессе весьма разносторонне подошел к разработке восточной темы в своем творчестве. В его произведениях встречаются как прямые отсылки на различные восточные философские направления и реалии, так и скрытые, о которых писатель намеренно умалчивает для воздействия на подсознание читателя. Действие в произведениях Гессе разворачивается не в социально-эмпирическом пространстве, а в так называемой «магической действительности». Писатель развивал тему Востока, как в своих ранних произведениях, так и в поздних.

Роман «Демиян» («Demian», 1919) – это попытка Германа Гессе истолковать самого себя в духе психоанализа, прояснить в себе свое собственное «я», познать свое предназначение и искать вину в себе самом, а не в других. Главный герой романа, мальчик Эмиль Синклер, открывает бесконечный мир своей души. С помощью учителя-музыканта Писториуса (который имеет черты доктора Ланга) юноше удается овладеть своим внутренним миром. Эмиль Синклер отказывается от самого дорогого и светлого чувства – тоски по детству (матери и отцу) – и находит свой путь к свободе и осознанию собственной ответственности. Путь этого становления отражается во снах, во многом проясняющих внутренний мир героя. Герой преодолевает в себе желание покончить жизнь самоубийством. Личность Эмиля Синклера обретает свою целостность.

Роман завоевал сердца нового поколения читателей – возвратившуюся с войны молодежь двадцатых годов. Сорокадвухлетний Гессе сумел в «Демияне» отобразить чаяния и проблемы молодого поколения.

Любопытным является то, что литературоведы рассматривают роман «Демиян» с точки зрения юнгианской психологии, не уделяя при этом внимания восточной специфике данного произведения. В романе встречаются прямые указания на некоторые принципы из восточной философии, а именно то, что Эмиль Синклер, Демиян и музыкант Писториус занимаются различного рода медитациями, успокаивая поток мыслей, созерцанием природных стихий (огня), изучают индийские веды и произносят священный в индуизме и буддизме слог «ом». Однако в романе «Демиян» присутствует множество скрытых отсылок на разностороннее философское мировоззрение Китая, раскрывающихся при глубоком анализе произведения, и которые мы подробно рассмотрим во второй главе нашей диссертации.

Герман Гессе продолжает осмысливать собственную жизнь в романе «Сиддхартха²» («Siddhartha», 1922). Это произведение о странствиях и поисках путей самопознания одинокого по своей натуре героя. Сиддхартха всю жизнь занимается самобичеванием, презирает земной мир. Немало ошибок

² Сиддхартха – «Достигший цели», собственное имя Будды Шакьямуни (560–480 гг. до н.э.), который, следуя обычаю знатных индусов брать себе имена ведийских провидцев, называл себя также Готама (Гаутама) [11, с. 402].

он совершает на своей дороге, однако, после попытки самоубийства приходит к осознанию, что совершенство и истина заключается в единстве, целостности и постоянстве вечных перемен. Сиддхартха-Гессе снова обрел гармонию с миром, однако он остается одиноким. Данное произведение показывает, насколько сильно Гессе вжился в духовный мир восточной культуры. История жизни главного героя – самоизображение писателя, попытка освободиться от пиетистского мира отцов и описать собственно обретение веры. Гессе уверен, что каждый человек должен познавать свой внутренний мир, свое истинное «я», углубляться в свое сознание и не поддаваться влиянию принятых общественных установок.

Весьма интересной является структура романа «Сиддхартха». Произведение разделено на две части. Первая состоит из четырех глав, что соответствует Четырем Истинам³ Готама Будды, вторая часть содержит восемь глав, которые соотносятся с восьмеричным путем⁴ Будды.

Первая часть романа была написана в 1919–1920-ых годах, после чего произошел двухлетний перерыв. Герман Гессе изобразил в данной части «Сиддхартхи» все то, что на тот момент он пережил сам: поиски мудрости, мучение и самоистязание. Герой-Гессе научился безоговорочно почитать мировоззрения Востока, но теперь должен оставить письменные учения для достижения истинного высочайшего смысла. Когда писатель сообщил читателю все об аскетизме и страстотерпии, о борьбе и страдании, он хотел изобразить Сиддхартху (и самого себя) победителем, но на этом этапе Гессе столкнулся с трудностями.

Во время перерыва Герман Гессе посещал психоаналитические сеансы у Карла Густава Юнга (Carl Gustav Jung, 1875–1961) в Кюснахте (Küsnacht). Лечение помогло писателю преодолеть личностный и творческий кризис, и в 1922 году он закончил свой роман.

Жанр первой части произведения «Сиддхартха» сам Гессе обозначил как «индийская поэма». Действительно, мы здесь замечаем большое влияние мировоззрения индуизма: герой Сиддхартха занимается священными служениями индуизма, различными формами аскетизма. Однако вторая часть романа во многом отражает китайскую философию.

В этом романе Гессе попытался сделать восточное мировоззрение понятным для европейского читателя, а также объединить буддизм, индуизм, даосизм, конфуцианство и христианство, вычленив из этих религий лучшие формы благочестия. Таким образом, писатель хотел донести до читателей мысль о том, что все нации – это единый народ, и что каждый отдельный человек должен прийти к гуманности. Писатель сотворил для Сиддхартхи ин-

³ Четыре Истины: 1) вот страдание; 2) вот причина страдания; 3) вот избавление от страдания; 4) вот путь, ведущий к избавлению от страдания [11, с. 403].

⁴ Восьмеричная дорога – согласно буддийскому учению, основные ступени, ведущие к нирване: 1) правильные, основанные на «благородных истинах» воззрения; 2) правильный образ мыслей, предполагающий готовность к подвигу во имя истины; 3) правильная, т.е. доброжелательная, правдивая речь; 4) правильные, т.е. не причиняющие зла поступки; 5) правильный образ жизни; 6) правильные устремления, основанные на самовоспитании и самообладании; 7) правильное внимание, предполагающее неослабевающую бдительность сознания; 8) правильное самопогружение, т.е. верные методы медитации [11, с. 404].

дивидуальный путь духовного развития, который включает в себя отказ от всех религиозных верований, преодоление разногласия между телом и духом. Кроме того, герой романа достигает растворения в сверхличностной «самости» (по Юнгу), которая является синтезом сознательных и бессознательных психических содержаний. Через преодоление своего «я» и опору на «самость» Гессе, как и Юнг, видел общую психологическую основу для всех мировых религий.

Важным является своеобразие художественной реальности, в которой разворачиваются действия романа «Сиддхартха». В основе «индийской поэмы» лежит древнеиндийская легенда о Гаутаме Будде, основателе философии и религии буддизма. Начало романа дает общеизвестную историю о Возвышенном Будде, согласно которой знатный индеец Сиддхартха, осознав неустойчивость сансары⁵, уходит из родного дворца и становится аскетом-саманой. Через три года он приходит к выводу, что формы аскетизма не позволяют прийти к спасению, и решает самостоятельно познать истину. Он садится у подножия дерева бодхи, где, преодолев соблазны, достигает просветления. После этого Сиддхартха приобретает известность под именем Гаутама Будда.

Однако позже читателю романа становится известно, что в то время, как главный герой Сиддхартха находится у саман, по землям Индии распространяется весть о Гаутаме Будде, который уже стал Просветленным. Таким образом, в романе существуют два Сиддхартхи – Гаутама Будда, достигший совершенства, и тот Сиддхартха, который достигает просветления лишь к концу романа.

Роман «Сиддхартха» – это своего рода роман становления или поновому индивидуализации. Это произведение является попыткой Гессе выразить идею синтеза западного и восточного мировоззрения. «Индийская поэма» получила широкое распространение по всему миру, а в Индии роман был переведен на двенадцать местных языков и наречий.

Писатель продолжает развивать тему Востока в романе «Паломничество в Страну Востока» («Die Morgenlandfahrt», 1931). Это философское произведение обогащено сложной, многозначимой и зашифрованной образностью. На этот раз в путь самопознания отправляется не один герой как в «Сиддхартхе», а целая группа титанов духа, Братство, которое выступает как культура и искусство всех времен и народа Запада и Востока.

Сам Герман Гессе очень дорожил повестью «Паломничество в Страну Востока» и считал, что все его прожитые пятьдесят пять лет были лишь подготовкой к написанию данного произведения. Темой повести становится подчинение духовного одиночества творческого человека, его личной жизни, поведения и проблем надличному целому, общности и идее; поиски общности, освобождение от неплодотворного одинокого мастерства художника.

⁵ Сансара – круговорот рождений, вечно повторяющееся обновление бытия то в одном, то в другом облике (метампсихоз), является источником страданий [11, с. 404].

Братство в романе не является тайным сообществом. Братство включает в себя людей искусства всего мира, в независимости от национальности, религии или эпохи. Их паломничество является не настоящим географическим путешествием, а странствием в мир души и духа, света и любви, в мир, противоположный настоящему – деградиционному и разрушающемуся. Паломники мечтают о единстве всех времен и народов. А сами они связаны клятвой будущему (более счастливому и светлому) и имеют единомышленников во всех исторических эпохах.

Главный герой романа, инициалы которого – Г. Г. легко сопоставимы с именем Германа Гессе, отказывается от простой жизни в обществе и вступает в Братство, начинает вместе с его участниками святое паломничество. Путешествие проходит через различные времена и места, они идут «везде» и «нигде»: члены Братства посещают Швейцарию, Швабию, Италию, средневековые и античность. Они держат путь во вневременной мир воспоминаний и грез, по ту сторону реальности. На своем пути паломники встречают китайского короля, колонию короля Сиама, Ноев ковчег.

Путешественники попадают на праздник в Бремгартене, на котором присутствуют друзья самого Гессе (Макс и Тиль Васнер), немецкие романтики Эрнст Теодор Амадей Гофман, Клеменс Брентано и Новалис, великий китайский философ Лао-Цзы, Пифагор, герои Дон Кихот и Санчо Панса, Генрих фон Офтердинген и Парцифаль. Встречаем мы также на празднике и героев проведений Германа Гессе: Васудеву и Сиддхартху, Лаушер и Гольдмунда, Клингзора и Пабло. Присутствие на празднике в Бремгартене писателей прошедших эпох и существующих друзей Гессе соединяет прошлое и настоящее время. Кроме того, включение в роман различных героев художественных произведений стирает границы между реальностью и искусством. Таким образом, мы наблюдаем в «Паломничестве в Страну Востока» рождение «магической реальности» – видимое отражение трансцендентального мира воспоминаний и мечтаний Германа Гессе. Такое изображение времени и пространства характерно для восточного мировосприятия (буддизма): *«Бясконцасць прасторы не можа быць спасігнута, ментальна прадстаўлена або вызначана, яна можа быць толькі перажыта. Толькі калі чалавек перажывае гэты вопыт, модна казаць аб адкрыцці часу як аб новым вымярэнні розуму»* [17, с. 5], *«вызначальнасць часу па катэгорыях мінулага, сучаснага і будучага – гэта справа мыслення, у рэальнасці – часу няма, яно ўяўляе сабою адзінае цэлае, якое складаецца з мноства імгненняў жыцця – з хвілінак. З падобных хвілінак ці момантаў «прасвятлення» і складаецца светаўспрымання»* [33, с. 190]. Хронотоп в романе выстроен на основе понятия магического времени, т.е. синтезе всего пережитого человечеством времени вообще. Такое понятие времени, которое становится в романе пространством, и восприятие реальности в единстве и вне времени мыслится, по мнению Гессе, как отражение души человека, в которой заключена вся Вселенная. Можно говорить, что действие романа «Паломничество в Страну Востока» разворачивается в магическом пространстве

души писателя, в его неповторимом внутреннем мире. В этом произведении Гессе рассматривает свою связь с миром, со своим внутренним «я» и его изменениями.

Странствие проходит успешно, пока не исчезает носильщик Лео, добрый и спокойный юноша. Все участники Братства воспринимают Лео как слугу, но позже читателю становится известным, что он является тайным верховным предводителем паломничества. С его исчезновением путешествие паломников начинает разрушаться. Главный герой повести теряет связь с паломниками, и вместе с этим для него теряется смысл жизни. Г. Г. помышляет о самоубийстве, однако находит спасение в желании описать историю паломничества в Страну Востока. Позже герой встречает Лео и узнает, что все это время Братство на самом деле существовало.

Образ Лео несет в себе явственные черты Лао-Цзы. Великий мыслитель называл себя одновременно и мастером даосизма, и слугой. А лев (Лео) для многих народов Запада и Востока является символом духа, света и солнца. Несмотря на то, что Г. Г. стал дезертиром, его снова принимают в Братство. А мучения и страдания героя были своего рода проверкой на прочность и верность. Г. Г. должен был стать мудрее, чтобы уже навсегда войти в Братство, в царство духа. Теперь герой получает шанс начать жизнь с начала вместе с Бессмертными, благородными титанами духа.

Кроме того, паломничество несет в себе трактовку становления личности Г. Г., которое герой романа проходит также, как и герои Эмиль Синклер и Сиддхартха. Г. Г. переживает этап самой светлой поры жизни – детства, олицетворением которого является праздник в Бремгартене. Из периода детства герой попадает в реальный мир со всеми его ужасами и страданиями, и пытается найти свое место среди двух миров: бюргерства и собственными духовными запросами. Через отчаяние Г. Г. приходит к заключительной стадии становления личности – к пробуждению и просветлению.

Кроме общей цели у каждого члена Братства есть своя собственная цель: кто-то мечтает найти могилу Мохаммеда, кто-то магическую змею Кундалини⁶, а кто-то сокровища «Дао»⁷. Слуга Лео хочет научиться таинственному языку птиц. Все эти мечты принадлежали самому ребенку – Гессе.

Паломники держат свой путь в страну, которую Гессе называет немецким словом «Morgenland» – страна утра, где восходит солнце. Немецкий перевод слова «Morgen» имеет несколько значений и расходится с русским переводом «Восток». Существительное «Morgen» в романе трактуется скорее не как Восток, а как утро, свет, который должен возродиться. Утро также является символом вечно чистого божественного космического единства. Наречие «morgen» переводится как «завтра», что означает в романе понятие светлого будущего, надежды на возрождение мира и всеобщей гармонии. Таким образом, слово «Morgenland» понимается как мистическое пространство

⁶ Кундалини – понятие древнеиндийской мистики, означающее женское начало [12, с. 425].

⁷ Дао – одна из основных категорий китайской философии, порождающее и организующее начало всего сущего, постижимое только в мистическом самоуглублении [12, с. 425].

всей Земли, на которой должно наступить утро, новое рождение культуры и искусства, рождение нового человека.

Целью каждого члена Братства является поиск своего истинного внутреннего «я», что есть божественный свет и любовь. А если к себе придут все люди на планете Земля, то настанет рай.

Герман Гессе написал роман «Паломничество в Страну Востока» в 1931 году, во времена, когда Европа переживала политический, экономический и культурный кризис, когда чувствовалось приближение захвата власти в Германии фашистами. В такие условия Гессе задавался вопросами о том, как наставить людей на более мирный путь, побудить их к человеколюбию, к добру. Поэтому, как мы уже поняли, главная идея данного романа – подчинение жизни и творчества людей искусства надличному целому, общности. Творец-художник не должен пребывать в своем одиноком индивидуальном мире, а служить людям, жертвовать собой ради спасения человечества. Гессе считал, что искусство носит «фельетонистический», т.е. развлекательный характер, общество словно пытается уйти от суровой действительности, от экономических и политических проблем посредством дешевой культуры. Поэтому, по мнению Гессе, в условиях приближающейся катастрофы людям искусства должно воспитывать людей, открывать перед ними картину жестокой реальности, а не отвлекать их от суровой действительности. Иначе, возрождение, приход в Страну Востока не будет возможным.

Мы пришли к выводу, что творчество Германа Гессе носит автобиографический характер. В своих романах «Демиан», «Сиддхартха», «Паломничество в Страну Востока» Гессе изобразил нелегкое становление собственной личности. Под влиянием юнгианской психологии и восточного мировоззрения писатель создает в своих романах «магическую действительность», действие в которой разворачивается вне времени и пространства, в душе героев, в которой заключен весь человеческий опыт и вся Вселенная. Своими произведениями Гессе пытался донести до читателей мысль, что все нации и религии мира равны, а людям искусства, особенно в условиях войны и хаоса, должно призывать людей к миролюбию и поискам своего внутреннего «я», в котором заключен первоначальный свет и божественная любовь. Только тогда человечество сможет возродиться и прийти к гармоничной и счастливой жизни.

ГЛАВА 2 ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ ТЕМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Г. ГЕССЕ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНОВ «ДЕМИАН», «СИДДХАРТХА», «ПАЛОМНИЧЕСТВО В СТРАНУ ВОСТОКА»)

2.1 Принцип двоимирия и единства мира

Тематической доминантой многих произведений Гессе является стремление личности к достижению гармонии между миром простых бюргеров и духовной составляющей жизни. Такие личности, будучи духовно устремленными людьми, испытывают трудности во взаимоотношениях с обывателями и в определении своего места в деградирующем мире бюргеров. Герои писателя вынуждены обращаться к своему внутреннему миру, заглядывать в его глубины, раскрывая сложность и многогранность своего внутреннего «я».

Принцип двоимирия и единства мира красной нитью проходит через все сюжетные линии романа Германа Гессе «Демиян». В первой главе произведения, которая носит говорящее название «Два мира», мы узнаем о том, что рассказчик Эмиль Синклер, юный гимназист из состоятельной семьи, уже с детства (с десяти лет) воспринимает существующую реальность разделенной на два противоположных полюса.

Первый, описываемый Синклером мир, открывает перед нами картину мещанского уюта и тепла: *«helle Häuser und Türme, Uhrschläge und Menschengesichter, Stuben voll Wohnlichkeit und warmem Behagen, Stuben voll Geheimnis und tiefer Gespensterfurcht. Es riecht nach warmer Enge, nach Kaninchen und Dienstmägden, nach Hausmitteln und getrocknetem Obst»* [58, S. 4] // «светлые дома, и башни, и бой часов, и человеческие лица, и комнаты, полные уюта и милой теплоты, полные тайны и глубокого страха перед призраками. Пахнет теплой теснотой, кроликами и служанками, домашними снадобьями и сушеными фруктами» [10, с. 208]. Эмиль Синклер говорит об этом мире с чувством светлой тоски, он испытывает нежность к мещанскому уюту, на что указывают эпитеты «» // «светлые дома», «» // «теплая теснота». Для повествователя этот мир включает в себя в первую очередь его отцовский дом, где он воспитывался и рос. В родном доме, по его мнению, присутствуют спокойствие, упорядоченность, опрятность и порядок во всем. Это место, где можно отдохнуть, обрести душевное равновесие, ясность мыслей и уверенность в будущем: *«Zu dieser Welt gehörte milder Glanz, Klarheit und Sauberkeit. In dieser Welt gab es gerade Linien und Wege, die in die Zukunft führten, es gab Pflicht und Schuld, schlechtes Gewissen und Beichte, Verzeihung und gute Vorsätze, Liebe und Verehrung, Bibelwort und Weisheit. Zu dieser Welt mußte man sich halten, damit das Leben klar und reinlich, schön und geordnet sei»* [58, S. 4] // «Этому миру были присущи легкий блеск, ясность и опрятность. В этом мире существовали прямые линии и пути, которые вели в будущее, существовали долг и вина, нечистая совесть и исповедь, прощение и добрые намере-

ния, любовь и почтение, библейское слово и мудрость. Этому миру следовало держаться, чтобы жизнь была ясной и чистой, прекрасной и упорядоченной» [10, с. 209].

Другой мир, который представляет нам рассказчик Эмиль Синклер, манит его к неизведанным тайнам и неизвестным дорогам. Этот мир начинается непосредственно в его же родном доме, но воспринимается им иначе. Он представляется Синклеру темным и порочным, но вместе с тем прекрасным и притягательным: *«In dieser zweiten Welt gab es Dienstmägde und Handwerksburschen, Geistergeschichten und Skandalgerüchte, es gab da eine bunte Flut von ungeheuren, lockenden, furchtbaren, rätselhaften Dingen, Sachen wie Schlachthaus und Gefängnis, Betrunkene und keifende Weiber, gebärende Kühe, gestürzte Pferde, Erzählungen von Einbrüchen, Totschlägen, Selbstmorden. Es war wunderbar, daß es auch alles das andere gab, alles das Laute und Grelle, Düstere und Gewaltsame, dem man doch mit einem Sprung zur Mutter entfliehen konnte»* [58, S. 4–5] // *«В этом втором мире существовали служанки и подмастерья, истории с участием нечистой силы и скандальные слухи, существовало нестрое множество чудовищных, манящих, ужасных, загадочных вещей, таких, как бойня и тюрьма, пьяные и сквернословящие женщины, телящиеся коровы, павшие лошади, рассказы о грабежах, убийствах и самоубийствах. Это было чудесно, что существовало и все то другое, все то громкое и яркое, мрачное и жестокое, от чего можно было, однако в один миг укрыться у матери»* [10, с. 209]. Временами Эмиль Синклер в силу своего столь детского возраста сторонится этого темного и пугающего мира, он стремится отыскать защиту и покой в другом противоположном мире – у матери и отца. Отчий дом – это место, наполненное спокойствием, место, куда хочется возвращаться. Однако порой рассказчик ощущает, что ему вовсе не нужны покой и уверенность в будущем, что ему намного больше симпатизирует темная сторона жизни, которая таит в себе запреты и опасности: *«Da war stets die Heimkehr zum Vater und zum Guten so erlösend und großartig, ich empfand durchaus, daß dies allein das Richtige, Gute und Wünschenswerte sei, und dennoch war der Teil der Geschichte, der unter den Bösen und Verlorenen spielte, weitaus der lockendere»* [58, S. 5] // *«Возвращение в отчий дом и на путь добра всегда бывало там замечательным избавлением, я вполне понимал, что только это правильно, хорошо и достойно желания, и все же та часть истории, что протекала среди злых и заблудших, привлекала меня гораздо больше»* [10, с. 210].

Эмиль Синклер указывает на то, что каждый человек принадлежит к двум мирам сразу, то есть каждый содержит в себе как светлое начало, так и темное, которые переплетаются в единый мир. Однако у каждого человека одна сторона преобладает над другой. Так, Эмиль считает, что он больше относится к темной стороне жизни, что, однако в самые яркие часы ее проявления вызывает у повествователя отвращение к самому себе, негодование и порой даже страх. А его сестры принадлежат почти всецело к светлому миру, Эмиль видит их более нравственными и непогрешимыми, чем он. Рассказчик

выделяет себя из мира обычных людей, указывает на свое отличие от обывателей, чувствуя себя одиноким.

Таким образом, мы видим воплощение китайской философской концепции инь и ян в анализируемом нами романе «Демиян», согласно которой каждый человек содержит в себе два начала – инь и ян. Инь обозначает негативное, темное, женское начало, а ян символизирует позитивное, светлое и мужское начало. Одной из основных целей человеческой жизни является достижение гармонии между инь и ян, так как они взаимодействуют между собой и являются взаимодополняющими.

В романе мы встречаем героя Франца Кромера, ученика народной школы, сына портного и пьяницы. Франц – это грубый невоспитанный мальчишка, перед которым Эмиль испытывает страх. Глаза у Кромера *«waren böse, er lächelte schlimm, und sein Gesicht war voll Grausamkeit und Macht»* [58, S. 8] // *«были злые, улыбался он скверно, а в лице были жестокость и властность»* [10, с. 213]. Рассказчик Эмиль Синклер из-за страха показаться в глазах Франца не похожим на него, придумывает разбойничью историю о краже яблок в саду. Франц догадывается, что это выдумка и начинает шантажировать Синклера, угрожая, что расскажет все полиции и его родителям. С этих пор Франц Кромер имеет власть над повествователем. Эмиль постоянно дает ему деньги, приносит различные подарки, выполняет мелкие поручения.

Франц Кромер является олицетворением темной стороны самого рассказчика Эмиля Синклера. Франц *«Er war aus der andern Welt, für ihn war Verrat kein Verbrechen»* [58, S. 8] // *«был из «другого» мира, для него предательство не считалось преступлением»* [10, с. 214]. Франц Кромер символизирует необузданность, тягу к запретному и даже аморальному. Отношения Эмиля с Францом, таким образом, обозначают взаимоотношения темной (инь) и светлой (ян) стороны повествователя. Так, например, страх, испытываемый Эмилем перед Францем, говорит нам о том, что он боится признать свою темную сторону, но так как Синклер все же поддается шантажу Кромера, мы видим, как темная суть рассказчика на какое-то время берет верх над его светлой стороной.

Эмиль Синклер снова тепло и с благоговением отзывается о возвращении в своей отчий дом после встречи со злым и жестоким Францем Кромером. Чувство облегчения и избавления, испытываемое рассказчиком, Гессе передает с помощью риторических восклицаний: *«die Sonne in den Fenstern und die Vorhänge im Zimmer meiner Mutter, da atmete ich tief auf. O Heimkehr! O gute, gesegnete Rückkunft nach Hause, ins Helle, in den Frieden!»* [58, S. 8] // *«солнце на окнах и занавески в комнате матери, я глубоко вздохнул. О возвращение домой! О доброе, благословенное возвращение в свой дом, в светлоту, в мир!»* [10, с. 213]. Мы вновь видим здесь отображение концепции инь и ян, где инь – мир Франца, символизирующий темную суть Эмиля, а ян – дом матери и отца, где всегда спокойно и умиротворенно.

Эпизод, в котором мы встречаем описание руки Франца Кромера показывает нам, как темная человеческая суть побуждает личность (в данном

случае героя Эмиля Синклера) к поискам неизведанного, лишая вместе с тем покоя, который характерен для уютного мещанского мира: «*Ich sah auf diese Hand und fühlte, wie roh und tief feindlich sie mir war, wie sie nach meinem Leben und Frieden griff*» [58, S. 9] // «Я смотрел на эту руку и чувствовал, как она груба и как глубоко враждебна мне, как она посягает на мою жизнь и на мой покой» [10, с. 214]. «Hand» // «рука» является метонимией, которую Гессе использует для образного изображения темной стороны героя.

С того времени, как Эмиль Синклер связал свою жизнь с Францом Кромером, рассказчик отчетливо чувствует, как темная часть его человеческой сущности поглощает его, завладевает им. Приходя домой, Эмиль уже не испытывает то блаженное облегчение, родные светлые покои стали теперь ему чужими. В том, что тьма взяла над ним верх, Эмиль Синклер видит свою вину, он презирает себя: «*Der Hut und Sonnenschirm, der gute alte Sandsteinboden, das große Bild überm Flurschrank, und drinnen aus dem Wohnzimmer her die Stimme meiner älteren Schwester, das alles war nicht Trost mehr und sicheres Gut, es war lauter Vorwurf*» [58, S. 11] // «Шляпа и зонтик, старый добрый каменный пол, большая картина над шкафом в прихожей, а изнутри, из гостиной, голос моей старшей сестры – все это уже не было утешением, надежным достоянием, а было сплошным укором» [10, с. 216]. Повествователь осознает, что теперь его темная сторона всегда будет шагать с ним по жизни как его тень. Ему не удастся полностью вернуться в тот блаженный светлый мир, пути назад не существует: «*Nun hielt der Teufel meine Hand, nun war der Feind hinter mir her*» [58, S. 11] // «Теперь дьявол не отпускает мою руку, теперь враг не отстаёт от меня» [10, с. 216]. Здесь мы снова встречаем метонимию «Teufel» // «дьявол» и «Feind» // «враг», с помощью которой Гессе называет темное начало, присущее рассказчику. Кроме того, автор употребляет еще одну метонимию (и одновременно сравнение) для изображения темной сути Эмиля – «Schatten» // «тьма»: «*wie ein Schatten verschwunden*» [58, S. 10] // «исчез как тень» [10, с. 215]. Данное художественное средство является прямой отсылкой к психоаналитической схеме Карла Густава Юнга, согласно которой «Тень» («Анима») символизирует бессознательную сторону человека, его необузданные инстинкты, которые необходимо превратить из автономного комплекса в чистую функцию для достижения равновесия между сознательным и бессознательным [48]. Здесь мы можем увидеть сходство между китайской философской концепцией инь и ян, где инь – темная сторона человека, которую нужно привести в согласие с темной, и учением Юнга, где «Тень» – бессознательное, которое требуется примирить с сознательным. В обоих случаях «примирение» приводит к достижению личностью душевной гармонии.

Эмиль Синклер начинает испытывать новое злое и колючее чувство – свое превосходство над отцом. Ведь теперь Эмилю открылась некая тайна, которая подталкивает его к поискам неизвестного, к поискам свободы и истины, к чему-то другому, отличному от обычного ограниченного мещанского мира. Размеренная уверенная жизнь его отца уже не является для Синклера

достойным примером для подражания. Такая жизнь кажется ему лишь удобной, уютной и даже трусливой. Однако, вместе с тем это новое чувство ужасает Эмиля, и он начинает испытывать за него вину перед отцом.

Открыв в себе темную сторону, Эмиль Синклер начинает приходить в состояние безумия, его одолевает сильное чувство одиночества. Он ощущает свою непохожесть на простых бюргеров, не участвует в жизни обывателей. Как безумие, так и страх перед ужасающей новизной являются своеобразными начальными ступенями на пути самопознания и самосовершенствования, на пути к достижению гармонии между инь и ян.

Далее в романе мы встречаем героя Макса Демиана, ученика старших классов. С первой встречи он производит большое впечатление на Эмиля Синклера. Рассказчик видит в Демиане самодостаточную, уверенную в себе личность. Демиан сторонится людей, является одиночкой. У него *«kluge, helle, ungemein feste Gesicht... ein wenig traurig mit Blitzen von Spott darin»* [58, S. 17] // *«умное, светлое, необыкновенно твердое лицо... немного грустное, с искорками насмешливости»* [10, с. 223]. Такое описание указывает читателю на то, что Макс Демиан имеет за плечами ценный жизненный опыт, который не только заставил Демиана испытывать боль и грусть, но и научил относиться к жизни с юмором, сделал его более сильным и свободным человеком. Гессе усиливает изображение духовной силы Демиана, наделяя его физической силой, крепким телосложением.

Демиан также проявляет интерес к Синклеру, – и мальчики становятся друзьями. Интересной является интерпретация библейского сказания о Каине и Авеле, которую предлагает Макс Эмилю Синклеру. По мнению Демиана, Каин является смелой личностью, героем. Убийство его брата Авеля – поступок бесстрашного человека, который сумел признать в себе наличие не только светлой, но и темной стороны, достигнув тем самым индивидуализации и внутренней гармонии. Каин является представителем духа и свободы. Каинова печать – это награда, отметка индивидуальности и свободы; ум и отвага во взгляде, сила духа, которую ощущали окружающие, перед которой они испытывали страх из-за ее непонимания. А Авель же является трусом; тем, кто боится откинуть мещанские условности, общественные нормы и раскрыть свою темную сторону. С точки зрения «стадного» общества, Авель – добропорядочный законопослушный гражданин, то есть угодный Богу и самому обществу. Благодаря такой необычной интерпретации Демиана истории о Каине и Авеле Эмиль Синклер впервые приближается к пониманию, что проявление его собственной темной сути – это положительное явление, которое побуждает его к смелости, к достижению гармонии между двумя противоположностями, и, в конечном счете, к просветлению, к свободе и истинному счастью. Темной стороны нужно не бояться, а принять ее, так как если человек испытывает перед ней страх, то она начинает иметь власть над ним, не дает свободы, сковывает, затмевает все возможные положительные результаты, которые она способна дать. Данная интерпретация убийства Авеля является точкой, откуда берут начало все попытки Синклера познать себя. Эмиль

начинает понимать, что истина, которая ему открылась, и которая будет сопровождать его теперь на протяжении всей жизни, является его судьбой, участью, его роком.

Эмиля Синклера посещает догадка, не похож ли сам Демиан на Каина, не носит ли он Каинову печать самобытности и мужества. При этом Гессе использует риторические вопросы и восклицания: «*wie sonderbar hatte Demian von den Furchtlosen und den Feigen gesprochen!*» [58, S. 20] // «как удивительно говорил Демиан о бесстрашных и трусах!» [10, с. 227], «*ist nicht er selber, dieser Demian, so eine Art Kain?*» [58, S.] // «не сам ли он, этот Демиан, своего рода Каин?» [10, с. 227]. Таким образом, мы видим сходство между героями романа Германа Гессе Максом Демианом, Эмилем Синклером, Францем Кромером и библейским героем Каином, а именно то, что всех этих персонажей объединяет открывшаяся им истина о противоположности темного и светлого начал.

Необычная интерпретация библейского сказания о Каине и Авеле дает нам отсылку к одному из принципов даосизма и дзэн-буддизма – избежание или полное освобождение от всякого рода учений: «*man kann sie alle auch anders ansehen, als die Lehrer es tun, und meistens haben sie dann einen viel besseren Sinn*» [58, S. 18] // «на все можно смотреть и совсем не так, как учителя, тогда учения большей частью приобретают куда лучший смысл» [10, с. 225].

Герой Макс Демиан символизирует «Самость» (по Юнгу) или истинное внутреннее «я» человека. Демиан является воплощением некоей истины, то есть примером человека, который достиг успеха в самопознании и индивидуализации, который достиг определенного просветления. Макс Демиан – тот человек, которому удалось гармонизировать противоположности инь и ян.

В одном из диалогов Макс Демиан утверждает, что самый лучший способ избавиться от шантажа Франца Кромера – убить его, т.е. уничтожить страх Эмиля перед темной стороной, принять ее. При этом сам рассказчик Эмиль Синклер указывает на то, что слова Демиана исходят как бы из него самого (из его бессознательного), что показывается с помощью риторического вопроса: «*Sprach da nicht eine Stimme, die nur aus mir selber kommen konnte? Die alles besser, klarer wußte als ich selber?*» [58, S. 25] // «Не звучал ли этот голос, который мог исходить только из меня самого? Который все знал лучше, яснее, чем я сам?» [10, с. 232]. Это еще раз подтверждает, что Демиан олицетворяет одну из множества составляющих личности Эмиля Синклера. Ту его часть, которая хочет вытеснить из бессознательного его необузданные природные инстинкты и примирить их с сознательной стороной жизни. Таким образом, разговоры между этими двумя героями можно назвать диалогом Эмиля со своим внутренним «я», со своим бессознательным. Здесь следует заметить, что погружение в себя является одной из характерных черт дзэн-буддизма.

После беседы Макса Демиана и Франца Кромера, Франц оставляет в покое Эмиля Синклера. Повествователь тут же обо всем старается забыть, даже о Демиане, исповедуется матери о краже денег, которые он вынужден был давать Кромеру, и чувствует долгожданное освобождение. Он снова возвращается в свой прежний светлый мир отцов, к чувству защищенности, к мещанскому теплу и уюту. В этом раннем возрасте Эмилю Синклеру не удалось стать на путь, который ведет к его внутреннему «я», так как этот путь сложный, требует самостоятельности и мужества: *«nichts auf der Welt ist dem Menschen mehr zuwider, als den Weg zu gehen, der ihn zu sich selber führt!»* [58, S. 30] // *«ничего на свете не претит человеку больше, чем идти путем, который ведет его к нему самому!»* [10, с. 237]. Эмиль не сумел принять свою темную суть (инь). Его одолел страх перед темным и неизведанным, и он стал Авелем, трусом.

Наступает пора отрочества, и герой Эмиль Синклер чувствует явное возвращение темной стороны в свою жизнь, а именно пробуждающееся в нем чувство пола. Для описания новой ипостаси темного человеческого начала Гессе прибегает к олицетворению и сравнениям *«fiel mich das langsam erwachende Gefühl des Geschlechts als ein Feind und Zerstörer an, als Verbotenes, als Verführung und Sünde»* [58, S. 31] // *«чувство пола находило как враг и губитель, как нечто запретное, как соблазн и грех»* [10, с. 238].

Между тем Макс Демиан всегда находился рядом с рассказчиком (хоть они и не общались) словно напоминание о существовании «другого» мира, о том, что Эмилю еще только предстоит встать на путь самопознания. Эмиль Синклер замечает новую черту в Демиане – проявление его женской природы (инь): *«Es war, als sei auch etwas von einem Frauengesicht darin, und namentlich schien dies Gesicht mir, für einen Augenblick, nicht männlich oder kindlich, nicht alt oder jung, sondern irgendwie tausendjährig, irgendwie zeitlos, von anderen Zeitläuften gestempelt, als wir sie leben»* [58, S. 33] // *«Было в нем что-то женское, а главное, на миг это лицо показалось мне не мужским или детским, не старым или молодым, а каким-то тысячелетним, каким-то вневременным, отчеканенным иными временами, чем наши»* [10, с. 240]. Приведенная цитата снова прямо указывает читателю на китайскую философскую концепцию инь и ян. Из чего мы можем заключить, что герою Макс Демиану удалось заглянуть в незримые обычным оком глубины мироздания, познать суть единства вневременного, достичь некоего просветления, соединив в себе инь и ян.

Юноши вместе посещают религиозные уроки. Услышанная ими на одном из занятий история о Каине и Авеле снова устанавливает между Эмилем и Демианом связь, и они возобновляют общение. Макс Демиан дает собственную творческую интерпретацию библейскому рассказу о Голгофе, о страданиях и смерти Спасителя, где разбойник, не предавший дьявола, является, по мнению Макса, своего рода Каином, смелым человеком с твердым характером. Кроме того, Демиан считает, что *«müssen wir dann neben dem Gottesdienst auch einen Teufelsdienst haben. Oder aber, man müsste sich einen Gott schaffen, der auch den Teufel in sich einschließt, und vor dem man nicht die Augen*

*zudrücken muß, wenn die natürlichsten Dinge von der Welt geschehen» [58, S. 40] // «наряду с богослужением нам нужно и служение дьяволу. Или же следовало бы создать бога, который включал бы в себя и дьявола, бога, перед которым не нужно закрывать глаза, когда происходят самые естественные вещи на свете» [10, с. 248]. Под естественными вещами в данном контексте Демиан подразумевает половую жизнь, которая в традиционной религии считается грехом и позором, которую религия призывает подавлять. На самом же деле половую жизнь необходимо принять как естественную женскую природу человека (инь). После очередной поразительной интерпретации библейского рассказа Эмиль Синклер приходит к осознанию, что «*Was Demian da über Gott und Teufel, über die göttlich-offizielle und die totgeschwiegene teuflische Welt gesagt hatte, das war ja genau mein eigener Gedanke, mein eigener Mythos, der Gedanke von den beiden Welten oder Welthälften – der lichten und der dunkeln» [58, S. 40] // «то, что сказал Демиан о Боге и дьяволе, о божественно-официальном и о замалчиваемом дьявольском мире, – это же была в точности моя собственная мысль, мой собственный миф, мысль о двух мирах, или о двух половинах мира – светлой и темной» [10, с. 249]. Повествователь делает вывод, что его проблема является также проблемой всех людей и всей человеческой жизни вообще. С этого осознания Эмиль именует для себя конец детства и начало самостоятельности.**

Нельзя оставить без внимания еще несколько принципов даосизма и дзэн-буддизма, на которые обращает внимание Герман Гессе: Макс Демиан занимается медитациями и самопогружением. Демиан указывает Эмилию на то, что нельзя слишком много говорить, так как это мешает чистому восприятию и ясному сознанию. Эмиль Синклер по примеру своего друга совершает дома несколько попыток оставаться некоторое время в неподвижном состоянии, успокаивая свой ум. Однако эти попытки не заканчиваются успехом.

Далее мы узнаем, что Эмиль Синклер покидает свой отчий дом и отправляется в другой город учиться в гимназии для мальчиков. Первое время он остается равнодушным к окружающему миру и лишь прислушивается к «*die verbotenen und dunklen Ströme, die da in mir unterirdisch rauschten» [58, S. 45] // «запретным и темным потокам, которые подспудно шумели во мне» [10, с. 254]. Парень из школы Синклера Альфонс Бек приучает его к вину, и Эмиль Синклер начинает постоянно пьянствовать и дурно себя вести, за что в тайне ото всех презирает и ненавидит себя, мечтает о том далеком светлом покое и уюте, который он оставил в своем детстве. Вино поспособствовало проявлению темной сути Эмиля Синклера, чему герой пытается сопротивляться. Но вместе с тем алкоголь привел его к еще большему одиночеству, которое, однако, пробудило в нем тоску по себе, потребность в поиске своей неповторимой индивидуальности и навсегда освободило от светлого детства. Рассказчик полностью теряет взаимопонимание не только с окружающими его людьми, но и со своими родителями и сестрами. Он чувствует себя как никогда одиноким, скучает по Максусу Демиану, пишет ему письма, но тот не отвечает на них. Эмиль Синклер злится на Демиана. Если учесть то, что об-*

раз героя Макса Демиана является частью личности самого Эмиля Синклера, к которой он стремится приблизиться и открыть в себе, то мы без труда заметим, что повествователь Эмиль переживает кризисный момент в своем саморазвитии. Он находится на стадии поиска своего внутреннего «я» и принятия темной стороны, на этапе осознания истинной природы человека, поэтому Эмилю пока рано снова налаживать контакт с Демианом.

Позже, однако, нам становится известно, что рассказчик все же однажды на каникулах встретился с Максом Демианом, но из-за стыда не признался в этом читателю. Эмилю Синклеру также было стыдно и перед Демианом (а значит и перед одной из составляющих своей личности) за свое рьяное нездоровое пристрастие к вину, однако Демиан успокаивает Эмиля, утверждая, что пьянство – это отчасти положительное явление, так как оно побуждает вскоре к обратному противоположному, к светлому: *«Hatte ich nicht in Rausch und Schmutz gelebt, in Betäubung und Verlorenheit, bis mit einem neuen Lebensantrieb gerade das Gegenteil in mir lebendig geworden war, das Verlangen nach Reinheit, die Sehnsucht nach dem Heiligen?»* [58, S. 57] // *«Разве не жил я в хмелю и грязи, в оцепенении и потерянности, пока новый импульс жизни не пробудил во мне что-то противоположное, желание чистоты, тоску по святому?»* [10, с. 267]. Пристрастие героя к алкоголю – это его еще одна попытка примкнуть к объединенности простых людей, т.е. уйти от самого себя.

Эмиль Синклер встречает молодую даму, влюбляется в нее и дает ей имя Беатриче. Эта влюбленность помогает Синклеру прекратить пьянство, он вновь учится наслаждаться одиночеством. Эмиль снова пытается полностью вернуться в светлый мир, он желает преобразовать темную сторону (похоть) в светлую (любовь): *«Die Geschlechtlichkeit, unter der ich litt und vor der ich immer und immer auf der Flucht war, sollte nun in diesem heiligen Feuer zu Geist und Andacht verklärt werden. Es durfte nichts Finsteres mehr, nichts Häßliches geben, keine durchstöhnten Nächte, kein Herzklopfen vor unzüchtigen Bildern, kein Lauschen an verbotenen Pforten, keine Lüsterheit. Statt alles dessen richtete ich meinen Altar ein, mit dem Bilde Beatricens, und indem ich mich ihr weihte, weihte ich mich dem Geist und den Göttern. Nicht Lust war mein Ziel, sondern Reinheit, nicht Glück, sondern Schönheit und Geistigkeit»* [58, S. 52–53] // *«Сексуальность, от которой я страдал и всегда бежал, должна была в этом священном огне преобразиться в дух и благоговение. Не должно было больше быть ничего темного, ничего безобразного, никаких ночных стонов, никакого сердцебиения перед непристойными картинами, никаких подслушиваний у запретных ворот, никакой похотливости. Вместо всего этого я воздвиг свой алтарь с образом Беатриче и, посвятив себя ей, посвятил себя и богам. Не наслаждение было моей целью, а чистота, не счастье, а красота и духовность»* [10, с.262].

Беатриче имеет умное мальчишеское лицо. А когда Эмиль пытается нарисовать ее, то портрет больше походит на изображение юноши, что снова дает нам намек на концепцию инь и ян. Мы обнаруживаем в женщине (инь) мужские черты (ян). Кроме того, к рассказчику приходит озарение, что лицо,

изображенное на портрете, похоже на Демиана, а также является частью его самого, Эмиля, и, в конечном счете, им самим. Таким образом, портрет объединяет в себе многоликие ипостаси Эмиля Синклера, а именно отрицательное женское и положительное мужское начала, которые должны гармонизироваться между собой как у Демиана. Вскоре рисунок намокает, и рот на портрете становится очень похожим на рот Макса Демиана. Следовательно, данный портрет помогает повествователю приблизиться к своему истинному внутреннему «я». Внутри Эмиля Синклера происходит перемена, которая приближает его к Демиану, вместе с тем делая его еще более одиноким.

Примечательной является история с гербом с изображением ястреба, находившемся над входной дверью дома семьи Эмиля Синклера. Впервые этим гербом заинтересовался Демиан еще в пору их детства. И вот Эмилю снится сон, в котором герб непрестанно видоизменяется: становится то большим, то маленьким, то серым, то разноцветным. При этом Макс Демиан подчеркивает, что, несмотря на перемены, – это всегда один и тот же герб. Герб в этом сне является символом личности самого Синклера и в духе философии инь и ян указывает на то, что, какие бы перемены ни происходили в Эмиле Синклере, его внутреннее «я» всегда остается неизменным и надо лишь отыскать к нему путь.

Эмиль рисует птицу из герба, туловище которой наполовину торчит в темном земном шаре, из которого она вылезла, как из гигантского яйца на фоне синего неба, и отправляет это изображение Максу Демиану. На это Синклер получает ответ в письменной форме: *«Der Vogel kämpft sich aus dem Ei. Das Ei ist die Welt. Wer geboren werden will, muß eine Welt zerstören. Der Vogel fliegt zu Gott. Der Gott heißt Abraxas»* [58, S. 60] // *«Птица выбирается из яйца. Яйцо – это мир. Кто хочет родиться, должен разрушить мир. Птица летит к богу. Бога зовут Абраксас»* [10, с. 270]. Абраксас согласно ближневосточной мифологии означает божество, которое соединяет в себе божественное и дьявольское. Следовательно, мы снова замечаем символическое описание, которое указывает на необходимость преодоления темной стороны (темный земной шар – инь) и достижения божественного состояния посредством соединения в себе темного и светлого (синее небо – ян). Рисунок показывает нам триединство неба, земли и человека, их нерушимую связь и взаимодополнение друг друга.

Важным является еще один сон, в котором Эмиль Синклер видит обнимающую его мать, похожую на Демиана и на написанный Синклером портрет. При этом Эмиль испытывает то чувство глубокого счастья, то чувство ужасного греха. Трактовка этого сна вновь опирается на концепцию инь и ян. Путь Синклера к себе ведет также и через образ матери, который помогает герою возвратиться к внутренней раскрепощенности и абсолютной правдивости. Это может быть истолковано не только как принятие и затем преодоление своей темной сути, но и как возврат к естественности и первоначальному состоянию (даосизм).

Абракасас, соединяющий в себе божественное (ян) и дьявольское (инь), образ матери, перетекающий в Демиана, все больше приближают Эмиля к истине, к своему «я». В образе матери и Абракасаса он видит сплетение блаженства и ужаса, мужчины и женщины, самого святого и самого омерзительного. И под влиянием этого меняется отношение Эмиля Синклера к любви: *«Liebe war nicht mehr tierisch dunkler Trieb, wie ich sie beängstigt im Anfang empfunden hatte, und sie war auch nicht mehr fromm vergeistigte Anbeterschaft, wie ich sie dem Bilde der Beatrice dargebracht. Sie war beides, beides und noch viel mehr, sie war Engelsbild und Satan, Mann und Weib in einem, Mensch und Tier, höchstes Gut und äußerstes Böses»* [58, S. 63] // «Любовь уже не была животным, темным влечением, как то страшило меня вначале, не была она уже и одухотворенным, молитвенным преклонением, какое рождал у меня образ Беатриче. Она была и тем и другим, тем и другим, и еще гораздо большим, она была ангельским подобием и сатаной, мужчиной и женщиной одновременно, человеком и животным, величайшим благом и величайшим злом» [10, с. 273]. Любовь у Гессе, таким образом, характеризуется как соединение земного (темное) явления и духовного (светлое). Эмиль Синклер в очередной раз с уверенностью заключает, что познать природу двоимирия и достичь единства является его судьбой.

Между тем мы замечаем, что Эмиль Синклер начинает приобретать черты Макса Демиана, а именно уважение, с которым к нему теперь относятся одноклассники и способность видеть «насквозь» окружающих людей. Так Эмиль становится все мудрее, все ближе к истине.

Нельзя обойти стороной и еще одного героя романа – Кнауэра, одноклассника Эмиля, которого также можно отнести к одному из ликов рассказчика. Кнауэр, как и Синклер, встал на высокий духовный путь и воздерживается от половых связей. Это показывает нам, что сам рассказчик все еще пытается подавить свою темную сторону. Он считает, что сексуальные отношения – это низость и несовместимо с благородными духовными помыслами. Кнауэр пытается покончить жизнь самоубийством, что говорит о бессознательном порыве Синклера сделать то же самое. Мысли о самоубийстве также являются следствием непринятия темной сути (в данном случае сексуального желания). Хотя на самом же деле половые отношения являются естественным проявлением природы человека. Позже, однако, рассказчик сообщает читателю, что мужеско-женский образ его демона *«lebte jetzt nicht mehr nur in meinen Träumen und nicht mehr gemalt auf Papier, sondern in mir, als ein Wunschbild und eine Steigerung meiner selbst»* [58, S. 80] // «жил теперь уже не в моих снах и не в виде изображения на бумаге, а во мне, как картина желаемого, как более высокая степень меня самого» [10, с. 293]. Приведенная цитата доказывает, что Эмиль Синклер приближается к полному принятию своей темной сути и гармонизации своих инь и ян.

Эмиль встречает музыканта Писториуса, который помогает рассказчику в его становлении и самопознании: *«halfen Häute von mir abstreifen, Eierschalen zerbrechen, und aus jedem hob ich den Kopf etwas höher, etwas freier, bis*

mein gelber Vogel seinen schönen Raubvogelkopf aus der zertrümmerten Welt-schale stieß» [58, S. 70] // «помогали мне сбрасывать с себя кожу за кожей, пробивать скорлупу за скорлупой, и после каждого я чуть выше, чуть вольнее поднимал голову, пока моя желтая птица не вытолкнула свою прекрасную хищную голову из разбитой оболочки миропорядка» [10, с. 282]. Писториус обучает Синклера одному из способов медитации (дзэн-буддизм) – созерцанию огня. Посредством этого Эмиль делает еще одно открытие – каждый человек подобно богу является творцом, создателем невероятного многообразия жизненных форм: «das Betrachten solcher Gebilde, das Sichhingeben an irrationale, krause, seltsame Formen der Natur erzeugt in uns ein Gefühl von der Übereinstimmung unseres Innern mit dem Willen, der diese Gebilde werden ließ – wir spüren bald die Versuchung, sie für unsere eigenen Launen, für unsere eigenen Schöpfungen zu halten – wir sehen die Grenze zwischen uns und der Natur zittern und zerfließen und lernen die Stimmung kennen, in der wir nicht wissen, ob die Bilder auf unserer Netzhaut von äußeren Eindrücken stammen oder von inneren. Nirgends so einfach und leicht wie bei dieser Übung machen wir die Entdeckung, wie sehr wir Schöpfer sind, wie sehr unsere Seele immerzu teilhat an der beständigen Erschaffung der Welt» [58, S. 69] // «созерцание таких структур; самозабвенное погружение в иррациональные, мудреные, странные формы природы создает в нас чувство согласия нашей души с волей, сотворившей эти структуры; мы вскоре испытываем искушение считать их нашими собственными капризами, нашими собственными созданиями; мы видим, как граница между нами и природой дрожит и расплывается, и приходим в то состояние, когда нам невдомек, от внешних ли впечатлений ведут свое начало картины на нашей сетчатке или от внутренних. Нигде так просто и легко, как при этом упражнении, не обнаружить нам, в какой огромной мере мы сами творцы, в какой огромной мере чувствует всегда в непрерывном сотворении мира наша душа» [10, с. 281]. Писториус утверждает, что в человеке заключены не только темная и светлая стороны, а гораздо большее количество различных составляющих: весь человеческий опыт, все богатство Вселенной, природа, божественные творения. И все это вместе с человеком является единой взаимодействующей жизненной системой. Таким образом, в романе писателя продолжает раскрываться философия инь и ян, согласно которой в каждом человеке заключено единство вневременного многообразия.

Музыкант Писториус учит Эмиля принимать себя таким, каков ты есть, признать правоту голоса души и следовать ему. В обратном случае можно загубить свое внутреннее «я», свою неповторимую индивидуальность. То, что Синклер выделяется из толпы обывателей необходимо принять, а не искать способы, как с ней смешаться. Эмилю приходит озарение об истинном призвании каждого человека – это не какая-либо профессия, не цель донести нечто ценное и истинное человечеству, а лишь путь к самому себе: «*Es war falsch, neue Götter zu wollen, es war völlig falsch, der Welt irgend etwas geben zu wollen! Es gab keine, keine, keine Pflicht für erwachte Menschen als die eine: sich selber zu suchen, in sich fest zu werden, den eigenen Weg vorwärts zu tasten, ei-*

nerlei wohin er führte... Ich war nicht da, um zu dichten, um zu predigen, um zu malen, weder ich noch sonst ein Mensch war dazu da. Das alles ergab sich nur nebenher. Wahrer Beruf für jeden war nur das eine: zu sich selbst zu kommen. Alles andere war halb, war Versuch zu entrinnen, war Rückflucht ins Ideale der Masse, war Anpassung und Angst vor dem eigenen Innern» [58, S. 84] // «Неверно желать новых богов, совершенно неверно желать что-то дать миру! Никакой, никакой, никакой обязанности не существует для пробудившихся людей, кроме одной: искать себя, укрепляться внутри себя, нащупывать свой собственный путь вперед, куда бы он ни привел... Я не для того пришел в мир, чтобы сочинять стихи, чтобы проповедовать, чтобы писать картины, ни я, ни кто-либо другой не приходил в мир для этого. Все это получалось лишь попутно. Истинное призвание каждого состоит только в одном – прийти к самому себе. Все прочее – половинчатость, это попытка улизнуть, это уход назад, в идеалы толпы, это приспособленчество и страх перед собственной сутью» [10, с. 298]. Исходя из китайского философского течения дзэн-буддизма, чтобы целиком освободиться от общественных ценностных установок и прийти к самому себе необходимо полностью оторваться от всех привязанностей, в первую очередь от мира отца и матери, что и старается сделать Эмиль Синклер на протяжении всего романа. Это сложный путь, полный одиночества и страданий. Но, в конце концов, тот, кто достигает просветления, внутренней гармонии, тоже смотрит на мир счастливым взглядом: «es möglich sei, auch als Freigewordener und auf Kinderglück Verzichtender die Welt strahlen zu sehen» [58, S. 92] // «обретший свободу и отказавшийся от детского счастья тоже может видеть сияние мира и с трепетом глядеть на него глазами ребенка» [10, с. 305].

Многое узнает Эмиль Синклер благодаря Писториусу, они читают индийские веды и учатся произносить священный индуистский и буддийский слог «ом». Учитель дарует рассказчику мужество и смелость быть самим собой. Но вот однажды Синклер понимает, что в словах Писториуса слишком много поучений. Эмиль также указывает Писториусу на то, что он зависим от различных мифологий и письменных вероучений. После этого случая отношения Эмиля и Писториуса теряют душевную близость и теплоту.

Согласно даосизму и дзэн-буддизму разного рода учения заглушают голос внутреннего «я», мешают достижению просветления. На определенном этапе самопознания и развития рекомендуется полностью отойти от источников знаний и заняться медитациями и самопогружением.

Писториус признается своему ученику в своей слабости: ему не хватает мужества и стойкости, чтобы уйти ото всех идеалов и образцов. Он желает человеческого общения и тепла. А на самом деле следовало бы быть одному в окружении «*den kalten Weltenraum*» [58, S. 85] // «холодного космического пространства» [10, с. 299]. Ведь только таким способом можно открыть свое подлинное внутреннее «я». Кроме того, Писториус желает нести истинное знание другим людям, поучать их, помогать стать им на путь самопознания. Если учесть, что музыкант Писториус, как и другие герои романа «Демиан»,

отражает одну из ипостасей Эмиля Синклера, то мы поймем, что желание пробуждать людей и отсутствие смелости для полного обособления являются бессознательными импульсами самого рассказчика. Доказательством этому является письмо, которое Эмиль пишет, но не отправляет Демиану: «*Ein Führer hat mich verlassen. Ich stehe ganz im Finstern. Ich kann keinen Schritt allein tun. Hilf mir!*» [58, S.] // «*Вожатый покинул меня. Я в потемках. Я не могу сделать ни шагу один. Помоги мне!*» [10, с. 299].

Желание примкнуть к общности – это бегство от самого себя, своего внутреннего «я». А единство, существующее в современной писателю Европе, вызвано ничем иным, как страхом и растерянностью народа: «*Was jetzt an Gemeinsamkeit da ist, ist nur Herdenbildung. Die Menschen fliehen zueinander, weil sie voreinander Angst haben – die Herren für sich, die Arbeiter für sich, die Gelehrten für sich! Und warum haben sie Angst? Man hat nur Angst, wenn man mit sich selber nicht einig ist. Sie haben Angst, weil sie sich nie zu sich selber bekannt haben. Eine Gemeinschaft von lauter Menschen, die vor dem Unbekannten in sich selber Angst haben!*» [58, S. 90] // «*Сейчас единство сводится к стадности. Люди бегут друг к другу, потому что боятся друг друга, – господа к господам, рабочие к рабочим, ученые к ученым! А почему они боятся? Боятся только тот, у кого нет согласия с самим собой. Они боятся, потому что никогда не признавали самих себя. Это единство сплошь тех, кто боится неизвестного в себе самом!*» [10, с. 303]. Рассказчик Эмиль Синклер полагает, что такая жалкая трусливая Европа скоро рухнет, а на смену придут люди будущего, подобные Синклеру, Демиану. Ибо в таких людях сосредоточено то, чего хочет от человека сама извечная природа: самопознание, стремление к миру, гуманность.

Роман «Демиан» был написан Германом Гессе в 1917 году. Это период Первой мировой войны и приближающейся Второй мировой войны. Писатель ясно предвидел наступающую катастрофу и своим романом хотел призвать каждого отдельного человека не только к смелости и мужеству, но и к обращению к своему внутреннему «я», где скрыт изначальный божественный свет и безусловная любовь. Ведь, по мнению Гессе, глобальные изменения общественного и мирового масштаба начинаются с каждой отдельной личности, с преобразования и улучшения себя самого (конфуцианство). Затем окажется возможным создание общности из таких людей, которые повлияют на изменение всего человечества.

Пребывание в такой общности и чувство счастья от этого удалось познать герою романа Эмилю Синклеру в пору его университетских лет, когда он снова встречается с Демианом, а позже и с его матерью Евой. Эмиль часто бывал у них в гостях, куда приходили различные «пробужденные»: буддисты, толстовцы, астрологи, каббалисты и др.

Ева является женщиной из видений повествователя, преследовавших его долгое время, а также женщиной с мужскими чертами Демиана (и себя самого) с рисунка Синклера. Ева предстает перед читателем мудрой, умиротворенной, счастливой женщиной, обладающей красивой внешностью, царст-

венной походкой. Она подобна богине, от нее излучается свет, она пронизана естественностью. Синклер не только влюблен в эту женщину, но и видит в ней свою собственную суть, к которой он вот-вот приблизится: «*Dies also war das neue Bild, in dem mein Schicksal sich mir zeigte, nicht mehr streng, nicht mehr vereinsamend, nein, reif und lustvoll!*» [58, S. 93] // «Таков, значит, был новый облик, в котором мне предстала моя судьба, от нее веяло уже не суровостью, не одиночеством, а зрелостью и радостью!» [10, с. 307]. Ева – это символ естества самого героя, который ведет его к самому себе. Мы видим, таким образом, что Эмиль приближается к душевной гармонии и внутреннему счастью, к просветлению. Кроме того, всеобщая мать Ева символизирует «праматерь» всего человечества, исток, к которому должен вернуться мир после разрушительной войны. Ева – это олицетворение человеколюбия, мира и всеобъемлющей любви вообще, что достигается только посредством преобразования тьмы в свет, посредством уничтожения старого для создания нового, посредством соединения противоположностей. Образ Евы содержит в себе символику глобального характера – для достижения мира на Земле все национальности должны прийти к братолюбию посредством духовного объединения.

В преддверии новой войны Синклера навещает видение: ястреб, улетевший в сине-черное небо. Птица, которую он когда-то рисовал и отправил ее Демиану. В ту пору эта птица являлась рассказчику из его бессознательного скорее как символ его самого – стремление к свободе и индивидуальности, высвобождение из подсознательного темной стороны и ее примирение со светлой. Теперь же эта птица становится символом человечества вообще, которое восстает, разрушает старый мир, чтобы родиться заново: «*Es kämpfte sich ein Riesenvogel aus dem Ei, und das Ei war die Welt, und die Welt mußte in Trümmer gehen*» [58, S. 108] // «Гигантская птица выбиралась из яйца, и яйцо было миром, и мир должен был развалиться» [10, с. 323]. Чтобы построить новый лучший мир, необходимо разрушить старый: не существует рождения, которое не вытекало бы из смерти. Демиану тоже снится сон о горящих городах и деревнях. Он тоже чувствует, как в воздухе витает приближение войны, как мир готовится к крушению ради нового рождения. Война преследует цель не столько политического преобразования, сколько становления нового человечества.

Наступает война. Эмиль Синклер в духе концепции инь и ян осознает, что его отдельная судьба связана с судьбами других людей, всего человечества. Мировые судьбы теперь проходят не мимо рассказчика, а через его сердце. Такие люди, как Эмиль Синклер, в пору коренного преобразования мира нужны человечеству. С таких людей и начинается преобразование мира.

Герой романа Демиан, именем которого и названо произведение, уходит на войну. Там повествователь Эмиль Синклер в последний раз встречается его. Демиан говорит ему, что он внутри Синклера, что в трудные времена Синклеру больше не придется его звать, а лишь заглянуть внутрь себя и увидеть

его. Эмиль Синклер, таким образом, обретает душевную гармонию (единство противоположностей инь и ян), он сумел уподобиться Демиану – просветленной и целостной личности, храброму и свободному человеку. Однако с внешней стороны Эмиль остается одинокой личностью.

Как Демиан, так и Эмиль Синклер олицетворяют дух человечества вообще, человечества эпохи войны, которое вынуждено собрать все силы, чтобы отыскать в себе и открыть добро и сострадание, смелость и стойкость – так называемого Демиана, свое истинное внутреннее «я», которое есть божественный свет и бескорыстная любовь. Роман заканчивается надеждой на то, что такие люди спасут и в дальнейшем преобразуют мир.

В романе Германа Гессе «Сиддхартха» мы также видим главного героя, брахмана, который с юного возраста ведет духовный уклад жизни на природе и презирает мирскую среду, городских жителей обыденного склада ума. Однако он по своей воле погружается в бюргерский мир, познает грехи обывателей: лень, чревоугодие, стяжательство и др. Кроме того, Сиддхартха учится с помощью куртизанки Камалы любовным усладам, открывая тем самым свое темное женское начало (инь), природные инстинкты. Пройдя через страдания и отчаяние, герой достигает не только гармонии противоположностей инь и ян, но и осознает в своем внутреннем «я» единство вневременного многообразия.

Не менее интересной является разработка принципа двоемирия в романе Гессе «Паломничество в Страну Востока», в котором главный герой произведения, писатель Г. Г., так же, как и Эмиль Синклер, живет в бюргерской среде, но, будучи человеком искусства, чувствует себя в ней неуютно. Однако первостепенным в разработке принципа двоемирия является образ волка, который раскрывается в эпизоде с волкодавом Неккером. Волк является символом темной стороны человека, его природных естественных инстинктов (инь). Слуга Лео демонстрирует дружбу с псом, что символизирует гармонично развитую личность Лео. Он является Верховным Братства, т.е. подлинным человеком, гением, человеком искусства, и вместе с тем живет в мещанской среде и радуется жизни, умеет относиться к ней с юмором. Между тем волкодав Неккер рычит на Г. Г., указывая читателю на дисгармонию личности главного героя, его неспособность существовать в двух мирах одновременно. В конце романа над Г. Г. вершится суд, суд героя над собственным «я», своего рода драматизированная форма самоанализа Г. Г. дают еще один шанс – научиться юмору и игре в жизнь.

Художественная реальность в романах Германа Гессе «Демиан», «Сиддхартха», «Паломничество в Страну Востока» разделена на два противоположных полюса: темный мир и светлый. Интерпретация этих двух миров весьма многогранна и основана, прежде всего, на китайской философской концепции инь и ян, согласно которой каждый человек содержит в себе два начала – инь и ян. Инь обозначает негативное, темное, женское начало, а ян символизирует позитивное, светлое, мужское начало. Одной из основных це-

лей человеческой жизни является достижение гармонии между инь и ян, так как они взаимодействуют между собой и взаимодополняют друг друга.

Герой романа «Демиан» рассказчик Эмиль Синклер с детства воспринимает реальность разделенной на темный мир и светлый. Светлый мир – это мещанский отчий дом, наполненный теплом, уютom и чувством защищенности, где можно укрыться от любой опасности; темный мир, пугающий и манящий, – это все, что находится вне стен родных покоев, а именно убийства, грабежи, пьянство, тюрьма и другие подобные явления.

Персонажи в романах Гессе не являются суверенными действующими лицами с четко изображенными характерами. Их задача состоит в зримо-образном воплощении различных внутренних составляющих как самого автора, так и его главных героев. Так все люди, окружающие Эмиля Синклера, отображают ту или иную сторону его личности. Они ведут повествователя к его внутреннему «я», к высвобождению и принятию темной стороны (инь) и ее примирению со светлой (ян).

Франц Кромер, грубый, невоспитанный мальчишка, олицетворяет темное начало Синклера, которое он в силу своего детского возраста подавляет в себе. Макс Демиан, целостная, гармоничная, просветленная личность, символизирует внутреннее «я» рассказчика, где сокрыты изначальный божественный свет и безусловная любовь. Демиан, достигший в себе единства инь и ян, ставший свободным и смелым человеком, является также символом духа человечества вообще, человечества эпохи войны, которое вынуждено собрать все силы, чтобы отыскать в себе добро и сострадание, мужество и стойкость – так называемого Демиана, свое истинное внутреннее «я». Одноклассники Эмиля Альфонс Бек и Кнауэр отображают борьбу Синклера со своим темным миром – сексуальным желанием, которое на самом деле является естественным проявлением человеческой природы. Кроме того, они указывают на одиночество героя и его желание примкнуть к стадному обществу посредством пьянства, а также желание покончить жизнь самоубийством из-за невозможности примирить в себе два мира. Тяга к объединенности (существующая также в Европе) – это страх перед истинной сутью человека, перед самим собой. Музыкант Писториус раскрывает Синклеру более сложную модель личности человека, в которой заключено единство множества миров; он символизирует неспособность Эмиля для достижения индивидуализации, нахождения внутреннего «я» в духе дзэн-буддизма и даосизма оторваться от привязанностей (мира отцов и стадного общества) и авторитетных учений, оставшись в полном одиночестве. Музыкант, как и Демиан, обучает Синклера медитациям, самопогружению и молчанию, что также является неотъемлемыми принципами даосизма и дзэн-буддизма. Писториус указывает на желание Эмиля изменить мир, когда в действительности все, что требуется от «пробужденных» – это прийти к себе, ведь, согласно конфуцианству преобразование мира начинается с отдельного человека. Ева, мать Демиана, олицетворяет как естество повествователя, его внутреннее «я», так и «праматерь»

человечества, исток, к которому должен вернуться мир после разрушительной войны.

Эмиль Синклер достигает единства противоположностей инь и ян, отыскивает свое внутреннее «я», своего Демиана, оставаясь при этом внешне одиноким, но косвенно указывая на надежду, что такие люди, как Синклер, будут стоять у истока рождения нового послевоенного мира.

Роман Гессе «Сиддхартха» открывает перед нами героя, который ищет свое место среди бюргерской среды, полной грехов и земных преходящих страстей, и духовной составляющей жизни. Куртизанка Камала символизирует темное начало (инь) Сиддхартхи, которое ему удастся примирить со светлым началом (ян) и достичь внутренней гармонии и просветления.

В романе «Паломничество в Страну Востока» темную сторону героя (инь) символизирует образ волка – волкодав Неккер. Он указывает на неспособность главного героя существовать в двух мирах (бюргерском и духовном) одновременно, на дисгармонию его личности.

PolotskSU

2.2 Мотив паломничества

Формы художественного воплощения восточной темы в творчестве Германа Гессе весьма разнообразны. Одной из определяющих форм является мотив паломничества, который по-разному раскрывается в романах писателя. Паломничество трактуется скорее не как реальное путешествие героев в конкретном географическом пространстве, а как путешествие в самих себя, в глубины своего внутреннего «я».

Герои романов Гессе «Демиан», «Сиддхартха», «Паломничество в Страну Востока» Эмиль Синклер, Сиддхартха и Г. Г. совершают путешествие к истокам своей души. С юного возраста их жизнь является не чем иным, как становлением их личности, поиском самих себя. Их цель – достижение душевной гармонии, раскрытие своей истинной сути и предназначения.

Роман писателя «Сиддхартха» во всей полноте вобрал в себя реализацию, как индийского мировосприятия, так и разностороннего китайского мировоззрения. Несмотря на то, что этот роман принято называть «индийской поэмой», «Сиддхартха» в большей степени является воплощением китайской мудрости. Роман разделен на две части, первая из которых отражает индийскую религию, а вторая различные направления китайской и освобождение от индийского мышления. Сам «Гессе в письме к Стефану Цвейгу отмечал: «Мой святой облачен в индийские одежды, но его мудрость ближе к Лао-Цзы, чем к Готаме»» [11, с. 402].

С первых страниц романа мы узнаем, что главный герой Сиддхартха, сын брахмана⁸, вырос среди девственной природы, вдали от цивилизации с ее разрушающими соблазнами. Сиддхартха в совершенстве овладел всеми религиозными служениями индуизма: священными омовениями и жертвоприношениями, искусством наблюдения и медитации, беззвучному произношению священного (индуистского и буддистского) слога «ом» и умению чувствовать в себе атман, т.е. свое индивидуальное духовное начало, душу всего сущего.

Сиддхартха владел изысканными манерами, умными мыслями, красивым внешним видом. Все любили его: отец, мать, дочери брахманов, его друг Говинда. Однако самого себя юный брахман не радовал. Религиозные действия казались ему бесполезными. Сиддхартха почувствовал, что знания, которые он получил от своего отца других наставников, исчерпали себя. Ни знания, ни священные служения не раскрывают для Сиддхартхи одной единственно важной вещи в жизни – что есть атман, истинное «я». Для изображения внутреннего смятения и разногласия юноши, его жажды отыскать единственную истину Гессе прибегает к использованию риторических вопросов и восклицаний: «*Und wo war Atman zu finden, wo wohnte Er, wo schlug Sein ewiges Herz, wo anders als im eigenen Ich, im Innersten, im Unzerstörbaren, das ein*

⁸ Брахман – член высшей индуистской касты, ведущей свое происхождение от древнего сословия (варны) жрецов [11, с. 402].

jeder in sich trug? Aber wo, wo war dies Ich, dies Innerste, dies Letzte?» [63, S. 7] // «А где найти атман, где Он обитает, где бьется его сердце, где, как не в собственном «я», в сокровеннейшей глубине, в несокрушимом, которое всяк носит в себе? Но где, где заключено это «я», это сокровеннейшее, это последнее?» [11, с. 9], «Ihn mußte man finden, den Urquell im eigenen Ich, ihn mußte man zu eigen haben! Alles andre war Suchen, war Umweg, war Verirrung» [63, S. 8] // «Вот его-то и надо найти, первоизданный источник в собственном «я», им-то и надо овладеть! Все остальное – исканье, окольный путь, ошибка» [11, с. 10]. Многие стихи священных книг (Упанишады, Ригведа, Самаведа и др.) говорят об этом сокровеннейшем. Мудрые брахманы владеют знанием о том, что душа человека – это весь мир. Но герой не встречал ни одного, кто бы жил этим знанием, претворил бы его в явь, отыскал свой атман.

Юный брахман решает покинуть родной дом и отправиться на поиски истины в паломничество вместе с аскетами-саманами, отшельниками, кто странствует в полном одиночестве. Его верный друг Говинда следует за Сиддхартхой. Изображенный писателем отказ от светлого мира отцов, от любого рода привязанностей является одним из главных принципов философии дзэн-буддизма.

Главный герой три года находится у саман. Он в совершенстве овладевает всем формами аскетизма: носит бедную накидку, постится (употребляет только сырую пищу один раз в день), занимается добровольным самоистязанием (намеренным причинением боли), останавливает дыхание и успокаивает сердцебиение. Цель Сиддхартхи у саман – это освобождение от самости через медитацию, через переселение из своего «я» в другие обличия (животных, растений, камней). Сиддхартха стремится победить свое «я», уничтожить его, заглушив в своем сердце всевозможные желания и страсти. Юный самана презирает мирские заботы, людей обыденного склада ума. Однако через некоторое время Сиддхартха приходит к выводу, что все способы аскетизма – это обман, бегство от самого себя, а цель человеческой жизни – найти себя, свое «я». Кроме того, юноша осознает, что учение (в данном случае саман) затмевает истинный свет на пути самопознания, мешает слушать свою внутреннюю суть.

Тем временем до друзей Сиддхартхи и Говинды доходит слух о Возвышенном, о Готаме Будде, о том, кто достиг просветления, кто *«habe in sich das Leid der Welt überwunden und das Rad der Wiedergeburten zum Stehen gebracht»* [63, S. 18] // *«преодолел в себе страданье мира и остановил колесо перерождений»* [11, с.18], *«hatte Nirwana erreicht und kehrte nie mehr in den Kreislauf zurück, tauchte nie mehr in den trüben Strom der Gestaltungen unter»* [63, S. 19] // *«достиг нирваны и уже не возвращался более в круговорот, не погружался в мутный поток перерождений»* [11, с. 19]. Сиддхартха покидает саман вместе со своим другом в жажде услышать знание из уст Просветленного.

Главный герой без труда узнает Возвышенного, весь внешний вид Будды говорит о его святости; изнутри Просветленного струится свет, который

чувствует каждый: *«sein Gesicht und sein Schritt, sein still gesenkter Blick, seine still herabhängende Hand, und noch jeder Finger an seiner still herabhängenden Hand sprach Friede, sprach Vollkommenheit, suchte nicht, ahmte nicht nach, atmete sanft in einer unverwelklichen Ruhe, in einem unverwelklichen Licht, einem unantastbaren Frieden. Dieser Mann war heilig»* [63, S. 24] // *«его лицо, его поступь, и безмятежно устремленный долу взор, и безмятежно опущенная рука, и даже любой из пальцев его безмятежно опущенной руки говорили об умиротворенности, говорили о совершенстве – он никому не подражал, никого не искал, мирно дышал невозмутимым покоем, неугасимым светом, высочайшей умиротворенностью. Этот человек был святым»* [11, с. 23].

Готама Будда проповедовал свое знание о Четырех Истинах и восьмеричной дороге, открывшееся ему в момент просветления. Сиддхартха вступает в разговор с Возвышенным и говорит о неоспоримом великолепии его учения, а именно об одном из принципов концепции инь и ян, согласно которой мир един и все происходящее взаимосвязано, принадлежит к общему закону причинности, становления и умирания. Однако, юный самана указывает также и на недостаток проповеди Будды, – что для достижения нирваны необходимо преодолеть все мирское. Сиддхартха придерживается мнения, что путь к просветлению у каждого индивидуален и неповторим. Следовать чьему-то учению – неверно. Герой желает оставить всевозможных учителей и отыскать свой собственный путь. Здесь мы видим отражение принципа философских направлений Китая, а именно даосизма и дзэн-буддизма, согласно чему авторитетные знания и всевозможные учения мешают достижению Дао (нахождению своего подлинного «я»).

Образ друга главного героя Говинды в романе «Сиддхартха», так же, как и в других произведениях Гессе, олицетворяет одну из ипостасей личности героя Сиддхартхи и самого писателя. Говинда остается с Возвышенным, желая всю жизнь следовать его учению. Это указывает нам на то, что часть души самого Сиддхартхи остается с Буддой, т.е. целью юного саманы является достичь просветления по примеру Готамы Будды, приблизиться к Возвышенному, избрав при этом свою индивидуальную тропу.

Сиддхартхе открываются новые осознания, вместе с которыми он пробуждается. Так, герой приходит к пониманию, что ранее он отвергал многообразие, ища единства, и воспринимал мир как иллюзию, что было неверным: *«Blau war Blau, Fluß war Fluß, und wenn auch im Blau und Fluß in Siddhartha das Eine und Göttliche verborgen lebte, so war es doch eben des Göttlichen Art und Sinn, hier Gelb, hier Blau, dort Himmel, dort Wald und hier Siddhartha zu sein. Sinn und Wesen waren nicht irgendwo hinter den Dingen, sie waren in ihnen, in allem»* [63, S. 32–33] // *«Синь была синью, река была рекою, и даже если в сини и реке внутри Сиддхартхи сокрыто живое единое и божественное, так ведь лад и смысл божественного как раз в том и заключается, чтобы здесь быть желтизною, а здесь синью, там небесами, там лесом, а здесь – Сиддхартхой. Смысл и сущность не прятались где-то за вещами, они были внутри их, внутри всего»* [11, с. 30]. Теперь юный монах-подвижник желает

искать истину не по ту сторону реальности, а в материальном мире; познавать не только мир идей, как прежде, но и уделять такое же внимание чувственным восприятиям. Герой приближается к открытию своей новой сути, темного и женского начала (инь). Поэтому не случайным является сон, в котором Говинда (как олицетворение главного героя) превращается в женщину, и Сиддхартха припадает к ее груди.

Сиддхартха держит свой путь в город. Долго герой был в одиночестве, и вот теперь он желает примкнуть к обычным людям, почувствовать себя полноценным членом общества. Путь его пролегает через реку, через которую Сиддхартху переправляет перевозчик. Перевозчик обучился мудрости созерцания реки, и он говорит юному подвижнику, что тот еще вернется к реке, так как *«alles kommt wieder!»* [63, S. 40] // *«все возвращается!»* [11, с. 34].

Позже на другом берегу реки герой встречается женщину, которая пытается его соблазнить, но пока что Сиддхартха не позволяет взять верх своим природным инстинктам. Данная встреча является символом новой стороны жизни, которую Сиддхартха начинает в городе – жизнь чувственного опыта.

Кроме того, при входе в сам город, юный самана также встречает прекрасную женщину – знаменитую куртизанку Камалу. Сиддхартха восхищается ее внешней земной красотой. Он ставит своей целью – научиться искусству любви у прекрасной Камалы. Ради этой женщины Сиддхартха принимает ухоженный вид: остригает волосы, сбривает бороду. Камала дарит самане чистое белое одеяние и дает ему первые уроки чувственного наслаждения – уроки поцелуев.

И вот Сиддхартха уже не нищий самана, он городской житель. В нем впервые просыпается земное чувство – гордость, ведь ему больше не придется просить милостыню. Герой понимает, что городская жизнь среди обыденных людей намного проще, так как здесь преследуются только мелкие ближние цели: как заработать денег на еду да одежду. В такой мирской среде Сиддхартха сможет обрести спокойный сон, ему не придется больше жить в постоянном беспокойстве, безнадежно преодолевая трудности на пути к истине, к самости.

Камала помогает Сиддхартхе устроиться на работу к купцу Камасвами. Купец становится символом будущего сластолюбца Сиддхартхи. Живя в доме купца, герой продолжает придерживаться поста, первое время его не соблазняют обильные трапезы. Работа для таких людей, как Камасвами, для обывателей – это смысл жизни, для Сиддхартхи же – игра, содержание которой не волнует его сердце, оставляет его равнодушным. Главным для юноши является познать любовь Камалы.

Сиддхартха с интересом и любопытством как сторонний наблюдатель следит за жизнью бюргеров, ведет свою своеобразную игру, не замечая при этом, что постепенно сам становится участником этой игры. Порой герой чувствует предостережение своего внутреннего голоса, который говорит ему об опасности всецело погрузиться в мир чувственных кратковременных наслаждений и потерять божественный след, свое истинное предназначение.

Между тем прекрасная Камала одаривает Сиддхартху всеми своими знаниями в искусстве любви: в любовных играх и утехах. Она символизирует темную сторону (инь) главного героя, его природные инстинкты. Тем не менее, юноша не любит Камалу. Сиддхартха остается одиночкой, в глубине души преданным своей изначальной задаче – поиску своего «я» и познанию истинной природы вещей.

Вскоре читатель узнает, что постепенно, незаметно для самого главного героя, его полностью поглотила сансара мирской жизни. При этом для изображения опасности сансары, разрушающей силы, с которой она окутывает Сиддхартху, Гессе прибегает к использованию сравнения: *«Langsam, wie Feuchtigkeit in den absterbenden Baumstrunk dringt, ihn langsam füllt und faulen macht, war Welt und Trägheit in Siddharthas Seele gedrungen, langsam füllte sie seine Seele, machte sie schwer, machte sie müde, schläferete sie ein»* [63, S. 59–60] // *«Мало-помалу – подобно влаге, которая, проникая в омертвевший древесный пень, мало-помалу насыщает его и вызывает гниение, – мирская леность проникла в душу Сиддхартхи, мало-помалу напитала ее, наполнила тяжелой усталостью, усыпила»* [11, с. 50]. Сиддхартха стал очень богатым и знатным человеком, приобрел собственный дом, сад и прислугу. Герой познал власть, сладострастие, чревоугодие – научился вкушать изысканную, качественно приготовленную на огне пищу и вино, отчего его кожа стала вялой и дряблой. Однако Сиддхартха по-прежнему смотрел на городских жителей с насмешкой и презрением, с каким самана относится к мирянам. Герой чувствовал себя отличным от бюргеров, ставил себя выше них, так как он не перенял у них ту важность, которую они придают своим заботам и делам. Тем не менее, он заимствовал у них не только черты пресыщенного недовольства, хандры и лености, но и боязливость перед потерей своего имущества, за что Сиддхартха презирал и ненавидел себя.

Главный герой замечает, что его внутренний голос, некогда направлявший его к высоким духовным целям, стал совсем слабым, почти беззвучным: *«Jenes hohe, helle Wachsein, welches er einst, auf der Höhe seiner Jugend, erlebt hatte, in den Tagen nach Gotamas Predigt, nach der Trennung von Govinda, jene gespannte Erwartung, jenes stolze Alleinstehen ohne Lehren und ohne Lehrer, jene geschmeidige Bereitschaft, die göttliche Stimme im eigenen Herzen zu hören, war allmählich Erinnerung geworden, war vergänglich gewesen; fern und leise rauschte die heilige Quelle, die einst nahe gewesen war, die einst in ihm selber gerauscht hatte»* [63, S. 59] // *«То высокое и светлое чувство пробуждения, какое он изведal когда-то, на вершине юности, в дни после проповеди Готамы, после разлуки с Говиндой, то напряженное ожидание, то гордое одиночество без наставлений и без наставников, та покорная готовность слушать божественный голос в собственном своем сердце стали мало-помалу воспоминаниями, оказались преходящи; далеко и тихо журчал священный источник, который был когда-то совсем близко, журчал когда-то в нем самом»* [11, с. 49].

Сиддхартха утратил равнодушие по отношению к забывчивым плательщикам, радость от раздаривания и одалживания денег нуждающимся, доброжелательность к нищим людям.

Богатство стало для героя уже не игрой, а стяжательством; собственность превратилась для Сиддхартхи в оковы. Поэтому главный герой с большим пристрастием и азартом играет в кости на деньги и драгоценности. Он становится опасным игроком, делая очень большие ставки. Герой полюбил страх, который он, играя, испытывал каждый раз перед потерей своего материального состояния. Чувство страха – это единственное, что разжигало его охолодевшие чувства, приносило ему подобие счастья среди этой пресной жизни. Каждый раз, ощущая отвращение к самому себе, Сиддхартха снова начинал играть, пить вино и накапливать новое богатство. Сансара бессмысленных страстей состарила героя, сделала его больным.

Герой видит усталость на прекрасном лице Камалы и зарождение старости. Сиддхартха с ужасом и испугом осознает, что как к ней, так и к нему самому приближается увядание и смерть. Он жаждет освободиться от бессмысленного круговорота сансары: *«Wie wenn einer, der allzuviel gegessen oder getrunken hat, es unter Qualen wieder erbricht und doch der Erleichterung froh ist, so wünschte sich der Schlaflose, in einem ungeheuren Schwall von Ekel sich dieser Genüsse, dieser Gewohnheiten, dieses ganzen sinnlosen Lebens und seiner selbst zu entledigen»* [63, S. 63] // *«Подобно тому как человек, не в меру много съевший или выпивший, в муках извергает все это из себя, радуясь облегчению, так Сиддхартха, лежа без сна, терзаясь чудовищным омерзением, мечтал отринуть эти улады, эти привычки, всю эту бессмысленную жизнь и самого себя»* [11, с. 53]. Употребленное автором сравнение указывает, насколько сильные муки испытывает главный герой, как тяжело ему осознавать, что он погряз в презираемых им страстях, суетных бесполезных делах. Кроме того, Сиддхартха понимает, что его жизнь была еще более бессмысленной и смешной, чем жизнь обывателей, так как он не жил делами и мечтами этих людей, а был все же лишь сторонним наблюдателем, одиноким среди толпы людей: *«Alle diese Jahre hatte er, ohne es selbst zu wissen, sich bemüht und danach gesehnt, ein Mensch wie diese vielen zu werden, wie diese Kinder, und dabei war sein Leben viel elender und ärmer gewesen als das ihre, denn ihre Ziele waren nicht die seinen, noch ihre Sorgen, diese ganze Welt der Kamaswami-Menschen war ihm ja nur ein Spiel gewesen, ein Tanz, dem man zusieht, eine Komödie»* [63, S. 65] // *«Долгие эти годы он, сам того не ведая, стремился стать таким же, как это множество окружающих, как эти дети, а притом жизнь его была куда более жалкой и нищей, чем их жизнь, ведь ни целей их, ни забот он не разделял, весь этот мир людей, подобных Камасвами, был для него только игрой, танцем, которым любуются со стороны, комедией»* [11, с. 55].

Сиддхартха чувствует, что и его отношения с Камалой потеряли все великолепие, красоту и очарование. Он находится в смятении: стоит ли все время жить только ради чувственных наслаждений, любовных усад. Герой

приходит к заключению, что эта игра не должна быть вечной. Внутренний монолог героя Гессе передает при помощи риторических вопросов и восклицаний: *«Spielten sie nicht ein Spiel ohne Ende? War es notwendig, dafür zu leben? Nein, es war nicht notwendig! Dieses Spiel hieß Sansara, ein Spiel für Kinder, ein Spiel, vielleicht hold zu spielen, einmal, zweimal, zehnmal - aber immer und immer wieder?»* [63, S. 65] // *«Не играют ли они в игру, которой нет конца? Нужно ли жить ради этого? Нет, не нужно! Эта игра зовется сансарой, играю для детей, быть может, она и стоит того, чтобы сыграть в нее один, два, десять раз – но ведь не бесконечно, вновь и вновь?»* [11, с. 55].

Сиддхартха видит сон, в котором певчая птичка Камалы, живущая в клетке, умерла, и он выбросил ее вон. Данный сон обозначает, что все светлое и прекрасное, что было в душе героя, умерло, он выбросил это как певчую птичку. В итоге Сиддхартха решает вернуть свой прежний внутренний божественный след. Он бросает свои владения, богатства, Камалу и уходит. Первый день, проведенный без пищи, вызывает теперь у него голод: Сиддхартха давно не постился. Камасвами думает, что на его верного помощника напали разбойники и разыскивает Сиддхартху, а Камала, все годы зная, что рано или поздно ее любимый возлюбленный оставит ее, выпускает птичку из клетки, что символизирует вновь обретенную свободу героя, вновь обретенный им путь. Кроме того, читателю становится известно, что Камала забеременела от Сиддхартхи.

Таким образом, в анализируемом нами романе мы видим воплощение очередного принципа даосизма – цивилизация и культура, все искусственное, что создано человеком, являются помехой на пути к просветлению, достижению Дао. Человек, избравший духовный путь, вынужден возвратиться к природе, чтобы достичь своего изначального состояния, т.е. отыскать свое «я».

С мыслями о самоубийстве Сиддхартха шагает в неизвестность. Он считает, что дорога в прежний светлый духовный мир для него закрыта. Герой приходит к лесной реке, через которую его некогда переправил в город перевозчик, и с чувством полного отвращения к себе Сиддхартха желает броситься в речной поток и утонуть. Однако неожиданно в душе героя рождается священный звук «ом», означающий «преображение» и «совершенство», после чего Сиддхартха пробуждается и осознает глупость своего желания покончить жизнь самоубийством. Герой погружается в крепкий и глубокий сон, который был ничем иным, как *«ein langes, versunkenes Om-Sprechen gewesen, ein Om-Denken, ein Untertauchen und völliges Eingehen in Om, in das Namenlose, Vollendetete»* [63, S. 69] // *«долгое, сосредоточенное повторение ом, мышление ом, погружение и полное растворение в ом, в безыменном, совершенном»* [11, с. 58]. Он просыпается обновленным и полным сил, радостным и счастливым.

Сиддхартха встречает Говинду, друга своей молодости. Говинда удивлен, смятен и расстроен из-за того, что Сиддхартха оставил духовный путь саморазвития и стал богачом. Встреча с Говиндой показывает нам, каким был сам Сиддхартха в годы юности, какой затем неожиданный поворот приняла

его жизнь, и кем он стал теперь: *«In dies Priestertum, in diesen Hochmut, in diese Geistigkeit hinein hatte sein Ich sich verkrochen, dort saß es fest und wuchs, während er es mit Fasten und Buße zu töten meinte. Nun sah er es, und sah, daß die heimliche Stimme recht gehabt hatte, daß kein Lehrer ihn je hätte erlösen können. Darum hatte er in die Welt gehen müssen, sich an Lust und Macht, an Weib und Geld verlieren müssen, hatte ein Händler, ein Würfelspieler, Trinker und Habgieriger werden müssen, bis der Priester und Samana in ihm tot war. Darum hatte er weiter diese häßlichen Jahre ertragen müssen, den Ekel ertragen, die Leere, die Sinnlosigkeit eines öden und verlorenen Lebens, bis zum Ende, bis zur bitteren Verzweiflung, bis auch der Lüstling Siddhartha, der Habgierige Siddhartha sterben konnte»* [63, S. 76–77] // *«В это священное служенье, в это высокомерие, в эту одухотворенность схоронилось его «я», там оно сидело и росло, а он полагал, будто умерщвляет его постом и покаянием. Теперь-то он видел это, видел, что тайный голос был прав, что никакой наставник никогда не смог бы даровать ему избавленье. Поэтому он должен был уйти в мир, предаться усладам и власти, женщинам и деньгам, стать торговцем, игроком в кости, пьяницей и скрягой – покуда не умрет в нем священнослужитель и самана. Поэтому он должен был терпеть эти ужасные годы, терпеть омерзение, пустоту, бессмысленность унылой и потерянной жизни – до конца, до горького отчаяния, покуда не умрет и сластолюбец Сиддхартха, скряга Сиддхартха»* [11, с. 64]. Герой приходит к выводу, что все случившееся с ним было неслучайным, как и неслучайно все в жизни. Сиддхартха хотел отыскать свое «я», но лишь затмевал его в юности одержимостью духовной цели, поэтому герою понадобилось пройти чувственный опыт, чтобы унять в себе гордость и слепое рвение. Теперь в Сиддхартхе умер также богач и сластолюбец, он рожден заново. Сиддхартха решает, что он больше не будет ни горделивым мудрецом, ни ненавидящим себя скрягой. В нем не умерла певчая птичка, она жива, в нем умерли лишь две его прежние ипостаси. От этого герой испытывает радость и безусловную любовь ко всем людям, ко всему окружающему миру, что прежде ему никогда не удавалось.

Сиддхартха понимает, что он должен был пройти через отчаяние, вызвавшее в нем мысль о самоубийстве, чтобы прийти к освобождению, к новому рождению, к новому озарению. С детства Сиддхартха слышал от своего отца и наставников, что мирские страсти, деньги губительны для души, но теперь герой прочувствовал это на своем собственном опыте. Таким образом, Сиддхартха познал, как светлую сторону жизни (ян), так и темную (инь). Он осознал, что эти сути едины в человеке, их нужно принять и гармонизировать в себе, а не отрицать и подавлять одну из сторон.

Сиддхартха слышит свой внутренний голос, который призывает его остаться жить у реки. Герой снова встречает лодочника, и они начинают жить вместе в скромной хижине старца Васудевы. Главный герой обучается труду перевозчика: переправлять людей через реку, чинить лодку, а также выращивать плоды и собирать урожай. Васудева предстает перед читателем спокойным, гармоничным и мудрым человеком с лучезарной улыбкой. Вскоре и

Сиддхартха становится таким же радостным и умиротворенным. Много лет проводят друзья вместе, занимаются медитациями (принцип дзэн-буддизма и даосизма), слушают журчание реки и любуются ее водами: *«Oft saßen sie am Abend gemeinsam beim Ufer auf dem Baumstamm, schwiegen und hörten beide dem Wasser zu, welches für sie kein Wasser war, sondern die Stimme des Lebens, die Stimme des Seienden, des ewig Werdenden»* [63, S. 84] // *«Вечерами они часто сидели возле берега, на упавшем стволе, молчали, внимая реке, что была для них не рекою, а голосом жизни, голосом бытия, голосом вечного становления»* [11, с. 69]. Старцы становятся настолько похожи друг на друга, что окружающие люди воспринимают их как двух братьев-мудрецов.

Сиддхартха по примеру Васудевы обучается мудрости у реки, она становится священной для героя. С помощью медитаций созерцания реки главный герой пришел к нескольким новым осознаниям. Во-первых, несмотря на то, что человек постоянно преобразовывает себя, меняет свой характер и интересы, привычки и пристрастия, его внутреннее извечное «я» остается неизменным: *«dies Wasser lief und lief, immerzu lief es, und war doch immer da, war immer und allezeit dasselbe und doch jeden Augenblick neu!»* [63, S. 78] // *«эта река бежала и бежала, бежала не останавливаясь и все-таки оставалась тут, на месте, всегда и во все времена была та же и все-таки каждую секунду другая, новая!»* [11, с. 65]. Используемое писателем риторическое восклицание, повтор и олицетворение помогают передать эмоции героя (восторг, восхищение, радость), которые он испытывает от своего нового духовного пробуждения. Второй урок, который он получил от реки, – это то, что падение вниз, опускание на самое дно – полезное благостное дело, так как это позволяет человеку лучше разглядеть свет, который нельзя увидеть ясно и отчетливо, не познав тьму. Кроме того, благодаря реке, которая каждое мгновение находится повсюду и для нее есть только настоящий момент, Сиддхартха понял, что времени не существует: *«Und als ich es gelernt hatte, da sah ich mein Leben an, und es war auch ein Fluß, und es war der Knabe Siddhartha vom Manne Siddhartha und vom Greis Siddhartha nur durch Schatten getrennt, nicht durch Wirkliches. Es waren auch Siddharthas frühere Geburten keine Vergangenheit, und sein Tod und seine Rückkehr zu Brahma keine Zukunft. Nichts war, nichts wird sein; alles ist, alles hat Wesen und Gegenwart»* [63, S. 83] // *«И когда я постиг это, то посмотрел на свою жизнь, и она тоже была рекою, и отрока Сиддхартху отделяла от мужчины Сиддхартхи и от старца Сиддхартхи лишь тень, а не реальность. И прежние рождения Сиддхартхи тоже не были прошлым, а смерть его и возвращение к Брахме не были грядущим. Ничего не было, ничего не будет, все живо здесь и сейчас»* [11, с. 69]. Время на Земле, в данном воплощении, является иллюзией и обманом. Внутреннее «я» человека живет по вневременным законам, оно вечно и неизменно. Также Сиддхартха узнает от реки о единстве всего сущего. При этом, сообщая читателю об очередном озарении Сиддхартхи, Гессе снова прибегает к использованию художественных средств: риторического обращения и вопроса, повтора, перечисления и многосоюзия: *«Nicht wahr, o Freund, der Fluß hat*

viele Stimmen, sehr viele Stimmen? Hat er nicht die Stimme eines Königs, und eines Kriegers, und eines Stieres, und eines Nachtvogels, und einer Gebärenden, und eines Seufzenden, und noch tausend andere Stimmen?» [63, S. 83] // «*Не правда ли, о друг мой, у реки множество, великое множество голосов? Это и голос царя, и воина, и быка, и ночной птицы, и роженицы, и воздыхателя, и еще тысяч иных голосов...*» [11, с. 69].

Спустя годы к Сиддхартхе и Васудеве пришли странствующие монахи, последователи Будды, которые сообщили друзьям весть о приближающейся последней смерти Возвышенного. К нему стремилось прийти множество паломников. Камала со своим сыном Сиддхартхой также отправилась увидеть и проститься с Совершенным. Ее сын, капризный и избалованный мальчик, часто уставал в пути и просил об отдыхе. В одном из привалов, возле переправы, Камалу ужалила змея (в древнеиндийской мифологии змея Кундалини символизирует женское начало). Васудева принес женщину в свою хижину. Сиддхартха сразу же узнал свою прежнюю возлюбленную и своего сына, в котором увидел самого себя в детстве. Камала умирает. Ее смерть указывает читателю на полное освобождение Сиддхартхи от прежней бюргерской жизни, полной страданий и боли. Кроме того, Камала сравнивает Сиддхартху и Готаму: она желала увидеть Будду, но встретила Сиддхартху, что является не меньшим счастьем. Следовательно, мы видим, что главный герой приближается к Возвышенному: обретает мир, душевный покой и равновесие. Смерть Камалы, как и прежде река, приводит Сиддхартху к мысли об одновременности бытия, вечности каждого мгновения и несокрушимости жизни.

Сиддхартха очень сильно полюбил своего сына: «*Hatte er denn jemals an irgend etwas so sehr sein Herz verloren, hatte er je irgendeinen Menschen so geliebt, so blind, so leidend, so erfolglos und doch so glücklich?»* [63, S. 93] // «*Разве он когда-нибудь привязывался к чему-то вот так, всем сердцем, разве любил когда-нибудь другого человека вот так – слепо, мучительно, безысходно и все же счастливо?»* [11, с. 77]. Риторический вопрос, перечисление, градация и антитеза показывают, насколько страстной была любовь Сиддхартхи, как она его мучила и терзала. Между тем Сиддхартха был невероятно счастлив и чувствовал себя как никогда богатым. Впервые в жизни ему удалось по-настоящему полюбить человека, своего сына, и так привязаться к нему. Однако трудность заключалась в том, что мальчик ненавидел и презирал своего отца. Сын был приучен к роскоши и богатству, а добрый и мягкий бедняк-отец не мог дать ему всего, чего желал мальчик. Он вел себя капризно и грубо по отношению к отцу, желал вернуться в свой прежний мир изобилия и богатства. Но Сиддхартха в душе надеялся, что своей кротостью и теплом растопит лед в сердце своего сына, и он полюбит своего отца так же сильно, как и Сиддхартха любил его: «*Weich stärker ist als Hart, Wasser stärker als Fels, Liebe stärker als Gewalt»* [63, S. 91] // «*мягкость сильнее строгости, вода сильнее камня, любовь сильнее принуждения»* [11, с. 76]. Но, в конце концов, мальчик навсегда сбегает в город.

Разлука с сыном помогла Сиддхартхе новыми глазами посмотреть на обычных людей, на мирян. Их суетные дела, бессмысленные поступки больше не вызывали у героя смех и презрение. Он с пониманием, уважением и любовью стал относиться к жизни обывателей. Сиддхартха в их заботах и устремлениях увидел Брахман, живой бессмертный огонь. Он считал, что они даже превосходили его, постоянно сомневающегося Сиддхартху, в своей решительности и твердости намерений.

Река подарила главному герою еще одно новое осознание: *«es kam alles wieder, was nicht bis zu Ende gelitten und gelöst ward, es wurden immer wieder dieselben Leiden gelitten»* [63, S. 101] // *«все не выстраданное до конца, нерешенное возвращалось, снова и снова приходилось терпеть одни и те же муки»* [11, с. 83]. Сиддхартха вспоминает, как и он, будучи отроком, покинул своего отца и больше никогда не вернулся, как он стремился отыскать свой собственный путь. И теперь Сиддхартха занял место своего отца. Герой исповедуется в своих страданиях и новых озарениях Васудеве. В этот момент Сиддхартха замечает, что старец вбирает в себя его речь подобно реке, боже-ству из самой вечности. Главный герой сравнивает Васудеву с богом, с человеком, достигшим в себе совершенства мира и единства, просветления. Сиддхартха понимает, что такое блаженное явление не длится долго и в душе начинает прощаться с Васудевой.

После страстной исповеди героя мудрый старец предлагает Сиддхартхе посидеть возле реки и послушать ее. Герой по-новому воспринимает голос реки. Теперь он видит единство мира еще более отчетливо и полноценно, и все это единство выливается в один священный звук совершенства «ом»: *«Und alles zusammen, alle Stimmen, alle Ziele, alles Sehnen, alle Leiden, alle Lust, alles Gute und Böse, alles zusammen war die Welt. Alles zusammen war der Fluß des Geschehens, war die Musik des Lebens. Und wenn Siddhartha aufmerksam diesem Fluß, diesem tausendstimmigen Liede lauschte, wenn er nicht auf das Leid noch auf das Lachen hörte, wenn er seine Seele nicht an irgendeine Stimme band und mit seinem Ich in sie einging, sondern alle hörte, das Ganze, die Einheit vernahm, dann bestand das große Lied der tausend Stimmen aus einem einzigen Worte, das hieß Om: die Vollendung»* [63, S. 103–104] // *«И все вместе, все голоса, все цели, все стремленья, все страдания, все желанья, все доброе и злое, все вместе было – мир. Все вместе было – река бытия, музыка жизни. И когда Сиддхартха внимательно вслушивался в этот поток, в эту тысячеголосую песнь, когда не слушал ни страданья, ни хохота, когда не привязывался душой к какому-то одному голосу, не вникал в него своим «я», а слышал все сразу, внимал целому, единству, тогда великая песнь тысяч голосов обращивалась одним-единственным словом, и было это слово «ом» – совершенство»* [11, с. 85].

Улыбка Сиддхартхи приобретает такой же свет, как и улыбка Васудевы. Рана Сиддхартхи от неразделенной любви к сыну исчезает, герой преодолевает последнее страдание, достигает внутреннего единства и становится Совершенным: *«Seine Wunde blühte, sein Leid strahlte, sein Ich war in die Einheit*

geflossen» [63, S. 104] // «Его рана распустилась цветком, его страдание сияло лучами, его «я» влилось в единство» [11, с. 85]. Васудева покидает Сиддхартху, и герой видит сияющую святую фигуру своего друга-перевозчика. Таким образом, образ Васудевы раскрывает еще одну сторону личности главного героя, а именно просветленного мудреца, который все время жил в душе Сиддхартхе, и которого ему удалось, наконец, в себе открыть. Сиддхартха остается жить среди дикой природы в хижине лодочника, пребывая в одиночестве.

Последняя глава романа Германа Гессе рассказывает читателю о встрече Говинды и просветленного старца Сиддхартхи. Главный герой открывает своему другу знания, открывшиеся ему в моменты его духовных просветлений. Сиддхартха говорит Говинде о том, что искание, цель затмевает истину, препятствует познанию, так как взор ищущего устремлен вперед, в будущее, а истина всегда находится здесь и сейчас. Кроме того, главный герой высказывает мысль, что учителей не нужно искать – они вокруг нас. Так, например, в жизни самого Сиддхартхи было множество учителей: прекрасная куртизанка Камала, богатый купец Камасвами, игроки в кости, сам Говинда, перевозчик Васудева и даже река. Мудрость, по мнению, Сиддхартхи нельзя передать. Мудрость, облаченная в слова, всегда звучит глупо для слушающего. Передать словами можно лишь знание. Сиддхартха указывает на недостатки учения Будды: Готама делит мир на нирвану и сансару, иллюзию и истину, страдание и избавление. Однако мир не бывает односторонним. В человеке живут одновременно и грешник, и Будда, и многие другие ипостаси, так как времени не существует, человек всегда извечно этим является, его внутреннее «я» неизменно. В каждой личности заложено единство многообразия. Кроме того, Сиддхартха сообщает Говинде, что главное в жизни для него – это безусловная любовь ко всему живому: *«Mir aber liegt einzig daran, die Welt lieben zu können, sie nicht zu verachten, sie und mich nicht zu hassen, sie und mich und alle Wesen mit Liebe und Bewunderung und Ehrfurcht betrachten zu können»* [63, S. 112] // «Для меня же существенно только одно – умение любить мир, не презирать его, не испытывать ненависти к нему и к себе, умение смотреть на него, и на себя, и на все существа с любовью, с восторгом, с благоговением» [11, с. 91].

Говинда приходит к осознанию, что Сиддхартха подобен Готаме Будде, Сиддхартха также является святым, хоть его учение, в отличие от учения Готамы, звучит для Говинды нелепо и диковинно. Взгляд, движения и улыбка Сиддхартхи, – все говорит о его просветленности: *«dies Lächeln der Einheit über den strömenden Gestaltungen, dies Lächeln der Gleichzeitigkeit über den tausend Geburten und Toden, dies Lächeln Siddharthas war genau dasselbe, war genau das gleiche, stille, feine, undurchdringliche, vielleicht gütige, vielleicht spöttische, weise, tausendfältige Lächeln Gotamas, des Buddha, wie er selbst es hundertmal mit Ehrfurcht gesehen hatte. So, das wußte Govinda, lächelten die Vollendeten»* [63, S. 115] // «улыбка единства над текущими воплощениями, улыбка одновременности поверх тысяч рождений и смертей, это улыбка

*Сиддхартхи была в точности та же самая, в точности такая же кроткая, тонкая, непроницаемая, не то добрая, не то насмешливая, мудрая, тысячеликая улыбка Готамы, Будды, какую он сам сотни раз благоговейно созерцал. Именно так – Говинда знал это – улыбались Совершенные» [11, с. 94]. На прощание Говинда целует лоб Сиддхартхи, и Говинду посещает видение, в котором ему открывается истина о единстве вневременного многообразия, заключенного в каждом отдельном человеке: «*Er sah seines Freundes Siddhartha Gesicht nicht mehr, er sah statt dessen andre Gesichter, viele, eine lange Reihe, einen strömenden Fluß von Gesichtern, von Hunderten, von Tausenden, welche alle kamen und vergingen, und doch alle zugleich dazusein schienen, welche alle sich beständig veränderten und erneuerten, und welche doch alle Siddhartha waren*» [63, S. 114] // «Он не видел лица своего друга Сиддхартхи, вместо этого ему виделись иные лица, множество, длинная череда, текучая река лиц, сотен, тысяч, все они появлялись и исчезали и, однако же, словно пребывали здесь все разом, постоянно менялись и возобновлялись, и, однако же, все были Сиддхартхой» [11, с. 93]. Сердце Говинды преисполняется величайшим чувством беззаветной любви и благоговения перед Сиддхартхой, а также перед всеми людьми и всем миром. Сиддхартхе удалось передать своему другу Говинде открывшиеся ему знания.*

Таким образом, мы пришли к выводу, что главный герой романа Германа Гессе «Сиддхартха» всю жизнь находится на пути самосовершенствования и познания истины. Он стремится отыскать свое внутреннее истинное «я», свой атман. Будучи рожденным в семье брахмана, члена высшей индуистской касты, Сиддхартха с детства был приучен к священнослужениям индуизма: священным омовениям и жертвоприношениям, искусству наблюдения и медитации, беззвучному произношению священного слога «ом», умению чувствовать в себе атман. Однако, чувствуя одиночество и непонимание окружающих, движимый жаждой отыскать свой собственный атман и понять его истинную суть, Сиддхартха со своим другом Говиндой отправляется в паломничество вместе с аскетами-саманами. Герой освобождается от мира отцов, привязанностей, что является принципом дзэн-буддизма.

У саман Сиддхартха учится всем формам аскетизма: отказу от удобной красивой одежды, посту (употреблению сырой пищи один раз в день), добровольному самоистязанию (намеренному причинению боли), остановке дыхания и замедлению сердцебиения. Цель Сиддхартхи у саман – это освобождение от самости через медитацию, через переселение из своего «я» в другие обличия, что является бегством от себя, от своего «я». Проповедь просветленного Готамы Будды также не приносит герою должного удовлетворения. Сиддхартха в духе даосизма и дзэн-буддизма считает, что авторитетные знания и всевозможные учения мешают достижению Дао, т.е. нахождению своего подлинного «я». Главный герой освобождается от всякого рода учений и выбирает самостоятельный путь саморазвития, пролегающий через чувственный опыт. Говинда становится учеником Будды, указывая читателю (как олицетворение одной из ипостасей Сиддхартхи) на то, что главный герой

душой остается с Возвышенным, избирая своей жизненной целью достижение просветления по примеру Будды.

С помощью куртизанки Камалы герой познает чувственные наслаждения. Сиддхартха долго живет в городе, познает богатство и роскошь, грехи мирской жизни: чревоугодие, гордость, стяжательство, леность, дурное настроение. Гессе, таким образом, развивает в романе китайскую философскую концепцию инь и ян (Сиддхартха раскрывает в себе природные инстинкты, темное женское начало (инь), символом которого является куртизанка Камала) и принцип даосизма – цивилизация и культура, все искусственное, что создано человеком, является помехой на пути к просветлению, достижению Дао. Человек, избравший духовный путь, вынужден возвратиться к природе, чтобы достичь своего изначального состояния, т.е. отыскать свое «я». Сиддхартха не чувствует себя полноценным членом общества, он остается одиноким сторонним наблюдателем. Отчаяние, ненависть и презрение к самому себе толкают героя к самоубийству, однако Сиддхартху спасает рожденный в его душе звук «ом», означающий совершенство и преображение.

Герой остается жить у реки вместе с перевозчиком, святым мудрецом Васудевой. Они занимаются медитациями, успокоением ума. Сиддхартха учится слушать реку, и благодаря ей к нему приходит множество духовных озарений: о единстве вневременного многообразия в каждом человеке (что является одним из принципов концепции инь и ян), о неизменности и бессмертии внутреннего «я», о том, что главное в жизни – это безусловная любовь ко всему живому. Благодаря отчаянной любви к сыну, герой отбросил презрение к мирской жизни и с пониманием и уважением стал относиться к суетным заботам обывателей, видя в каждом человеке священный огонь атмана. Сиддхартха остается жить в одиночестве среди божественной природы и достигает просветления. Герой соединяет в себе не только два полюса инь и ян, обретая тем самым гармонию и целостность. Он также осознает в себе и в любом другом человеке множество различных лиц, образующих единство вневременного, что делает Сиддхартху Возвышенным, Буддой.

2.3 Мотив одиночества

Тема Востока в творчестве Германа Гессе раскрывается с помощью мотива одиночества. Герои писателя, ставшие на путь духовного развития, испытывают непонимание со стороны общества и большую часть своей жизни находятся наедине с собой. Человеческая цивилизация со своим технократизмом и культурой, переживающей упадок моральных ценностей, является помехой на пути к истинному «я» человека, заглушает внутренний божественный голос, поэтому герои романов Гессе вынуждены обособляться от бюргерской среды.

Герман Гессе развивает проблему одиночества личности духовного склада ума, художника-творца, в романе «Паломничество в Страну Востока». Главный герой данного произведения является творческой личностью, а именно писателем. Интересным становится имя героя романа, которое полностью не названо, нам известны лишь инициалы Г. Г., которые можно сопоставить с именем самого Германа Гессе. Г. Г. совершает путешествие в Страну Востока, которая не может быть выделена в качестве конкретного географического объекта. Она не ограничена никакими пространственными и временными пределами. Путешествие, заявленное в названии романа, является своеобразным странствием главного героя в глубины своего внутреннего «я». Г. Г. является членом Братства, которое совершает паломничество. В данном Братстве он выполняет роль скрипача и рассказчика сказок.

У каждого члена этого Братства помимо общей цели (о которой повествователь настоятельно умалчивает) есть и своя собственная. Так, главный герой желает найти прекрасную принцессу Фатме и завоевать ее любовь, о чем он мечтал с юности. И вот, отправляясь в странствие в составе Братства, Г. Г. вновь предается своим юношеским воспоминаниям и мечтам. Упоминается в романе и женщина по имени Нинон, ревновавшая главного героя к Фатме. Поиск Фатме символизирует в романе поиск главным героем не только своего предназначения художника-творца, но и его постоянную тягу к поиску истины, божественного следа, смысла жизни. Из биографии Гессе известно, что его женой была женщина Нинон, которая не понимала его как творческую личность, не разделяла стремлений своего мужа к постоянным странствиям.

Поход, совершаемый главным героем и другими членами братства, не преследует какие-либо политические цели и не регулируется государственным законодательством. Более того, данное шествие отвергало любые современные технические средства передвижения: «*Etappen unsrer Morgenlandfahrt, indem sie auf alle die banalen Hilfsmittel moderner Dutzendreisen, auf Eisenbahnen, Dampfschiffe, Telegraph, Auto, Flugzeug und so weiter verzichteten, wirklich ins Heroische und Magische durchgestoßen sind*» [59, S. 9] // «этань нашего паломничества в Страну Востока, сопряженные с отказом от банальных удобств современного передвижения, как-то: железных дорог, па-

роходов, автомобилей, аэропланов, телеграфа и прочая, – вправду знаменовали некий выход в миры эпоса и магии» [8]. Это свидетельствует о том, что истинное искусство несовместимо с технократизмом. Кроме того, согласно принципу философского мировоззрения Китая – даосизма, все искусственное, созданное человеком, является помехой на пути к достижению божественного состояния. Являясь членом Братства, участником похода, главный герой жил с ощущением некоего единства, с чувством собственной сопричастности к чему-то великому. Само паломничество трактуется в романе как стремление, путь к некой великой истине, к вечности, к Богу: *«es strömte dieser Zug der Gläubigen und sich Hingebenden nach dem Osten, nach der Heimat des Lichts, unaufhörlich und ewig, er war immerdar durch alle Jahrhunderte unterwegs, dem Licht und dem Wunder entgegen, und jeder von uns Brüdern, jede unsrer Gruppen, ja unser ganzes Heer und seine große Heerfahrt war nur eine Welle im ewigen Strom der Seelen, im ewigen Heimwärtsstreben der Geister nach Morgen, nach der Heimat»* [59, S. 17] // *«шествие истовых и предавших себя служению братьев на Восток, к истоку света, текло непрерывно и непрерывно, оно струилось через все столетия навстречу свету, навстречу чуду, и каждый из нас, участников, каждая из наших групп, но и все наше воинство в целом и его великий поход были только волной в вечном потоке душ, в вечном устремлении духа к своей отчизне, к утру, к началу»* [8].

Были в Братстве и отступники, дезертиры, те, кто покидал мир поэзии, волшебства и уходил в мир порядка, спокойствия, размеренного бытия – в мир мещанства. Такие люди поддавались голосу ума и следовали ему, теряя веру в существование Братства. Таков удел многих: в юные годы жизни мы верим в любовь, добро, вечность, но со временем наше чувство прекрасного губится рассудком и общественными нормами. Мы прощаемся с нашими мечтами и привычкой смешивать поэзию с жизнью и возвращаемся в мир «испытанных железных дорог» к «полезному труду», до конца не осознавая, что найти обратный путь будет практически невозможно. Поэтому даосизм и призывает людей к возвращению в естественные условия, так как только среди нетронутой девственной природы можно услышать чистый божественный голос. Вступая в Братство, каждый его член становился сопричастным всей совокупности великих людей искусства со всего мира. В него входили и реальные исторические личности и вымышленные: Лао-Цзы, Новалис, Клингзор, Хуго Вольф, Brentano, Генрих фон Офтердинген, Дон Кихот и др. Художники-творцы с помощью своего таланта и мастерства создавали произведения искусства, что дарило людям эстетическое наслаждение, чувство прекрасного, приносили с собой *«волну волшебства, которая ширилась и все подхватывала»* [8].

Подобно многим покинул Братство и главный герой романа Г. Г.. Спустя много лет, он решил рассказать о своем паломничестве в Страну Востока. Только затея эта ему не удалась. Когда главный герой был участником похода, его блаженство *«bestand aus der Freiheit, alles irgend Erdenkliche gleichzeitig zu erleben, Außen und Innen spielend zu vertauschen, Zeit und Raum wie Kulis-*

sen zu verschieben» [59, S. 33] // «состояло из свободы иметь все воображаемые переживания одновременно, играючи перемешивать внешнее и внутреннее, распоряжаться временем и пространством за кулисами» [8]. Герой наслаждался искусством, изучал его, творил свои произведения, находил в этом цель своей жизни, но затем потерял смысл и ценность своей работы: *«es drohte alles seinen Wert, seinen Sinn zu verlieren: unsre Kameradschaft, unser Glaube, unser Schwur, unsre Morgenlandfahrt, unser ganzes Leben»* [59, S. 44] // «все угрожало лишиться ценности, своего смысла – наше товарищество, наша вера, наша присяга, наша паломничество, вся наша жизнь» [8]. Главный герой потерял веру в возрождение подлинного искусства. Он не чувствует себя способным сотворить значимое литературное произведение, которое смогло бы пробудить в людях нравственность, высокие духовные ценности, стремление к саморазвитию.

Ключевым в романе является образ слуги Лео, с исчезновением которого и распадается Братство. Лео выступает в роли своеобразного символа утраченной цели и надежды главного героя, запутавшегося в своих притязаниях на писательские лавры и утратившего веру в возрождение великого искусства. Лео жизнерадостен, приветлив и необычайно скромно: *«wirkte dieser Diener Leo einfach und natürlich, so rotbäckig gesund und freundlich anspruchslos»* [59, S. 30] // «Лео поражал несравненной простотой и естественностью, краснощеким здоровьем и дружелюбной непритязательностью» [8]. Главного героя не перестает занимать вопрос, почему участь поэта – одиночество и вечные поиски своего предназначения и самого себя, в то время как герои, созданные поэтом, являются полноценными и жизненными. Ответ на него дает ему именно Лео, указывая молодому музыканту, что в этом и заключается миссия поэта – служить людям, отдавая своим произведениям самые лучшие мысли, всего себя. Не удивительно, что истина, поведенная Лео, остается для главного героя непостижимой. Он так и не может понять, как донести до людей самое ценное и важное, и что оно есть: *«eine strahlende Reihe von Taten und Wundern bewahrt, deren Bild und Andenken mit ihm dahinschwindet, wenn es ihm nicht gelingt, etwas davon durch Wort oder Bild, durch Bericht oder Lied an die Nachwelt weiterzuleiten. Aber wie nur, durch welchen Kunstgriff wäre es zu ermöglichen, wie wäre die Geschichte unsrer Morgenlandfahrt irgend erzählbar zu machen?»* [59, S. 51] // «Блестательная череда подвигов и чудес, память о коих исчезнет вместе с ним, если ему не удастся передать потомству нечто в слове или образе, в повествовании или песне. Но как, при помощи каких уловок искусства найти к этому путь, как мыслимо сделать историю нашего паломничества в страну Востока сообщимой читателю?» [8]. Мы видим, что беспокойство, озабоченность главного героя своей миссией пробудить в людях желание к самосовершенствованию Гессе передает при помощи риторического вопроса.

Не обходит стороной автор и волновавшие его общественные и политические проблемы современности, а именно, деградацию европейского народа, закат европейского искусства: *«unsre Gemeinschaft, das Stärkste auf der*

Welt, sich hat auflösen können» [59, S. 52] // «распалась сама наша общность, самое крепкое, что было в мире» [8] – снова и снова повторяют его герои. Уходит Лео и вместе с ним уходит, рушится всё европейское искусство. Г. Г. пытается сохранить веру в необходимость создания произведения о паломничестве и обращается за советом к другу юности, историографу Лукасу. Но Лукас, будучи скептиком, человеком рационального склада ума, смеется над Г. Г., называя паломничество «Крестовым походом детей». По сути, его слова – отражение позиции представителей современной науки, политики, государства в целом в отношении деятелей искусства. Искусство воспринимается ими как бесполезное занятие, а его представители, писатели, художники, музыканты, живут, по мнению большинства, в состоянии оторванности от реального мира. В этом упреке миру искусства в его оторванности от мира нашла свое отражение жизненная позиция самого Германа Гессе, критиковавшего современное искусство, и акцентировавшего внимание на его главной цели – воспитании людей, а не в их развлечении и отвлечении от реального положения вещей, особенно в условиях приближающейся войны. Историограф написал книгу о Первой мировой войне, в которой он принимал участие. Это было для него способом избавиться от пустоты и самоубийства, от переживаний, вызванных ужасом войны.

Спустя много лет, герой романа Г. Г. находит Лео. Он живет среди простых бюргеров и наслаждается своей жизнью: *«das müsse ein sehr glücklicher und sehr liebenswerter Mensch sein, der auf diese Art zu pfeifen wisse» [59, S. 68] // «это, должно быть, очень счастливый и очень располагающий к себе человек, если он может так насвистывать» [8]. Г. Г. знакомо это насвистывание, эта веселая беззаботная мелодия из прошлого ранит его и одновременно радует: «Wie tief und wie schrecklich hatte sich alles für mich verändert, wenn mich der Ton eines Pfeifenden, der Takt eines bekannten Schrittes, nur durch die Erinnerung an das verlorene Einstmals, so im Innersten treffen, mir so wohl und so weh tun konnte!» [59, S. 70] // «Как глубоко и как страшно переменилось для меня все, если звук насвистываемой мелодии, ритм знакомый шагов одним тем, что напоминал мне о потерянном былом, мог с такой силой ранить меня в самое сердце, мог причинить мне такую радость и такую боль» [8]. Мотив музыки символизирует возвращение утраченного смысла жизни главного героя. Образ Лео неразрывно связан с юностью Г. Г., порой надежд, легкости и радости, порой паломничества в Страну Востока. Слуга Лео иллюстрирует пример того, что нужно сохранять в своей душе молодость. Кроме того, Лео показывает, что даже будучи членом Братства, т.е. человеком искусства, можно счастливо жить в мещанском мире и уметь смеяться: *«Gerade das ist es ja, das Leben, wenn es schön und glücklich ist: ein Spiel!» [59, S. 76] // «Именно игра и есть жизнь, когда она хороша!» [8]. Мотив игры указывает герою на то, что нужно уметь играть в жизнь. Здесь снова возникает принцип двоемирия и единства мира, что заключается в китайской философской концепции инь и ян. Мы видим, что Г. Г. не способен отыскать гармонию между двумя мирами: бюргерской средой и духовной**

жизнью. Он чувствует себя одиноким и не понятым другими людьми. Между тем Лео выступает в романе символом гармонично развитой, целостной личности. Его умиротворенная улыбка, легкое юмористическое отношение к жизни, способность существовать в двух мирах одновременно указывает читателю на то, что Лео является своего рода Просветленным. Еще одно подтверждение этому мы находим в эпизоде с волкодавом Неккером. Волк является символом темной стороны человека, его природных естественных инстинктов (инь). Слуга Лео демонстрирует дружбу с псом, что символизирует гармонично развитую личность Лео. Он является Верховным Братства, т.е. подлинным человеком, гением, человеком искусства, и вместе с тем живет в мещанской среде и радуется жизни, умеет относиться к ней с юмором. Между тем волкодав Неккер рычит на Г. Г., указывая читателю на дисгармонию личности главного героя, его неспособность существовать в двух мирах одновременно.

С утратой Братства жизнь Г.Г превращается в мучительное одиночество, в безуспешные попытки осознать свое предназначение, найти свое место в мире. Не раз ловил он себя на мысли о самоубийстве, но пришел к выводу, что это не выход: *«Es war mir der «Tod» kein Nichts mehr, keine Leere, keine Negation»* [59, S. 82] // *««Смерть» перестала означать ничто, пустоту, голое отрицание»* [8]. Г. Г. постоянно испытывает боль, перестает ей противиться, видит в этом удел художника-творца.

Слуга Лео оказывается Верховным Братства. Над главным героем вершится суд, его оправдывают, прощая ему предательство. Г. Г. был дезертиром. Герой с удивлением и восхищением осознал, что Братство существует вечно и вне времени. При этом Герман Гессе прибегает к использованию риторического восклицания: *«Also es gab noch einen «Bund», von dem ich nichts mehr wußte, der ohne mich existierte und mich nicht mehr als zugehörig betrachtet hatte!»* [59, S. 86] // *«Итак, Братство, о котором я и знать ничего не знал, продолжало свое бытие без меня и рассматривало меня попросту как отступника!»* [8]. Таким образом, герой осознал, что он не одинок в этом мире. Существует множество писателей, художников, музыкантов и даже обывателей, кто так же, как и Г. Г. переживают кризис общества, войны, упадок культуры и искусства. А истинное великое искусство будет жить вечно, всегда будет прививать людям чувство прекрасного. Главный герой жил все время в одиночестве, видел вокруг себя лишь разрушающийся мир, довел себя до отчаяния, пытаясь руководствоваться в жизни лишь справедливостью и добродетелью. Суд как символ драматизированной формы самоанализа Г. Г. дает ему еще один шанс преступить отчаяние и пройти послушничество во второй раз, научившись юмору и игре в жизнь.

Финальная сцена романа описывает странную фигурку, которую находит главный герой. Необычность её в том, что сперва она состояла из двух ликов, что снова отсылает нас к принципу двоимирия, к философии инь и ян. Изображаемый на фигурке образ Г. Г. перетекал в образ Лео: *«Mit der Zeit, so schien es, würde alle Substanz aus dem einen Bilde in das andre hinьberrinnen*

und nur ein einziges übrigbleiben: Leo. Er mußte wachsen, ich mußte abnehmen» [59, S. 122] // «Со временем, надо думать, вся субстанция без остатка перейдет из одного образа в другой, и останется только один образ – Лео. Ему должно возрастать, мне должно умяться» [8]. Образ слуги Лео несет в себе идею служения людям. А так как облик Г. Г. в фигурке переходит в образ Лео, это символизирует осознание главным героем, что задача художника-творца заключается в служении людям. Писателю должно пробуждать в них чувство любви, добра, человечности, самые лучшие их качества, а также побуждать к созиданию и духовным поискам, самосовершенствованию. Однако художнику-творцу не следует забывать о том, что жизнь – это игра, в которой главное – умение относиться ко всему с юмором и радоваться приятным мелочам и каждому мгновению. Переход образа Г. Г. в образ Лео указывает также на приближение главного героя к состоянию внутренней гармонии и просветленности, так как Лео является примером гармоничной личности.

Нельзя обойти стороной роман писателя «Демиан», рассказчик которого Эмиль Синклер на протяжении всей жизни сталкивается с одиночеством. На пути саморазвития, поиска истины он чувствует себя отличным от людей обыденного склада ума, поэтому уже с десяти лет становится добровольным изгнанником из общества. Эмиль встречает людей со схожим мировоззрением (Демиан и его мать Ева, музыкант Писториус), они становятся его друзьями и учителями. Однако Синклер все равно вынужден в одиночку проходить тернистый путь к своему внутреннему «я», самостоятельно постигать истину. Эмиль в одиночестве бродяжничает по мрачным, пустым и холодным городским улицам, описание которых является созвучным настроению героя. Рассказчик обретает внутреннюю гармонию, сохраняет свою неповторимую индивидуальность, однако остается одиноким, выброшенным вместе с другими людьми в хаос мировой войны.

Чувство одиночества всю жизнь испытывает и главный герой романа Гессе «Сиддхартха». Несмотря на то, что у него были родители, учителя, друг Говинда, любовница Камала, он всю жизнь чувствует себя одиноким, не похожим на всех людей. Среди бюргерских жителей Сиддхартха ощущает себя лишь сторонним наблюдателем, игроком, а не полноценным членом общества. Даже люди духовного склада ума не могут разделить его исканий, так как, по мнению, Сиддхартхи, они живут лишь письменными авторитетными учениями, а герой стремится отойти от прописных знаний и стать на индивидуальный путь поиска своего внутреннего «я». Сиддхартха достигает просветления, обретает внутреннее счастье и свободу, но так и остается одинокой личностью.

Мы пришли к выводу, что главные герои проанализированных нами романов «Демиан», «Сиддхартха» и «Паломничество в Страну Востока» Эмиль Синклер, Сиддхартха и Г. Г. всю жизнь пребывают в одиночестве. Они находятся в постоянных духовных поисках и испытывают непонимание со стороны общества, поэтому становятся изгнанниками из мира обычных людей.

Путь духовного становления лежит через обособление от городской среды, полной суетных бессмысленных забот, и внутренней потребности личности оставаться в одиночестве, слушая божественный голос и погружаясь в свое истинное «я» в целях достижения просветления.

Мотив одиночества в романе «Паломничество в Страну Востока» связан с проблемами творческой личности. Главный герой произведения, будучи деятелем искусства, писателем, находится в постоянных поисках своего предназначения и места в мире и всю жизнь пребывает в одиночестве. Он пытается научиться жить с данным недугом.

В юности герой чувствовал сопричастность к Братству, которое трактуется в романе как вечная и вневременная совокупность людей искусства всего мира. Члены Братства совершают паломничество без технических средств передвижения в духе даосизма к истокам своей души, в которой заключен божественный свет. Движимые высокими духовными целями привнести добро и любовь в мир, они ищут способы осуществить свое предназначение художника-творца. Со временем герой теряет божественный след в своей душе и членство в Братстве. Г. Г. считает свое мастерство художника-творца непродуктивным и бесполезным, так как живет во времена упадка культуры и моральных ценностей человечества. Г. Г. мнит себя одиноким в своих страданиях, однако существует множество творческих людей, которые так же остро переживают общественно-политические проблемы эпохи. Герой проходит через ступень полного отчаяния, его посещают мысли о самоубийстве, однако со временем он перестает видеть в этом избавление от одиночества. Благодаря Лео, слуге и Верховному Братства, Г. Г. осознает, что истинное искусство живет вечно, и в его руках пробуждать в людях высшие духовные ценности. В этом и заключается главная жизненная цель человека искусства. Однако творец-художник должен уметь относиться к жизни с юмором и наслаждаться ею.

Лео в романе выступает как образ целостной, гармонично развитой личности, достигшей просветления. Эпизод с рычащим на главного героя волкодавом Неккером, где образ волка служит символом темной стороны (инь) Г. Г., указывает на дисгармонию двух начал инь и ян главного героя, его неспособность существовать в двух мирах (мещанском и духовном) одновременно.

Финальная сцена романа «Паломничество в Страну Востока», в которой представлена фигурка Лео, постепенно перетекающая в силуэт главного героя, указывает на приближение Г. Г. к достижению гармонии, внутренней свободы и подлинного счастья.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Герман Гессе ощущал на себе влияние восточного мировоззрения с раннего детства, что было связано с его дедушкой, миссионером и индологом-переводчиком, а также матерью писателя, родиной которой была Индия. С юных лет Гессе изучал философию Индии и Китая, читал в немецком переводе «Бхагавадгиту», «Упанишады», Конфуция, Лао-цзы, Янг Чау и Чжуан-цзы. Большое влияние на писателя оказало путешествие в страны Востока – Малайзию, Суматру и Шри-Ланку. Герману Гессе была наиболее близка китайская философия. То, что в философии Индии ставится на первый план: равнодушие и аскеза, воплощенные в бегстве из социума, не удовлетворяло Гессе в его духовных поисках. В учениях Китая он видел эффективные способы, которые могут помочь человечеству (в особенности западному) прийти к гуманности, развить духовность и стремление к самопознанию и самосовершенствованию. Наибольшее влияние на мировоззрение Гессе оказали такие китайские религиозно-философские течения, как даосизм, конфуцианство, дзэн-буддизм и концепция инь и ян.

Творчество писателя носит автобиографический характер. В своих романах «Демиан», «Сиддхартха», «Паломничество в Страну Востока» Гессе изобразил нелегкое становление собственной личности. Под влиянием юнгианской психологии и восточного мировоззрения писатель создает в своих романах «магическую действительность», действие в которой разворачивается вне времени и пространства, в душе героев, в которой заключен весь человеческий опыт и вся Вселенная. Своими произведениями Гессе пытался донести до читателей мысль, что все нации и религии мира равны, а людям искусства, особенно в условиях войны и хаоса, должно призывать людей к миролюбию и поискам своего внутреннего «я», в котором заключен первоначальный свет и божественная любовь. Только тогда человечество сможет возродиться и прийти к гармоничной и счастливой жизни.

Мы пришли к выводу, что главные герои проанализированных нами романов «Демиан», «Сиддхартха» и «Паломничество в Страну Востока» Эмиль Синклер, Сиддхартха и Г. Г. находятся в постоянных духовных поисках. С самого детства они совершают путешествие к истокам своей души, в глубины своего внутреннего «я». Их цель – достижение душевной гармонии между темным началом (инь) и светлым (ян), раскрытие своей истинной сути и предназначения. Герои воспринимают мир разделенным на два полюса: бюргерская среда и духовная сфера жизни. Они испытывают непонимание со стороны общества, поэтому становятся изгнанниками из мира обычных людей. Путь духовного становления лежит через обособление от городской среды, полной суетных бессмысленных забот, и внутренней потребности личности оставаться в одиночестве, слушая божественный голос и погружаясь в свое истинное «я» в целях достижения просветления.

Персонажи в романах Гессе не являются суверенными действующими лицами с четко изображенными характерами. Их задача состоит в зримо-

образном воплощении различных внутренних составляющих личности, как самого автора, так и его главных героев.

Герой романа «Демиан» рассказчик Эмиль Синклер с детства воспринимает реальность разделенной на темный мир и светлый. Светлый мир – это мещанский отчий дом, наполненный теплом, уютom и чувством защищенности, где можно укрыться от любой опасности; темный мир, пугающий и манящий, – это все, что находится вне стен родных покоев, а именно убийства, грабежи, пьянство, тюрьма и другие подобные явления.

Все люди, окружающие Эмиля Синклера, отображают ту или иную сторону его личности. Они ведут повествователя к его внутреннему «я», к высвобождению и принятию темной стороны (инь) и ее примирению со светлой (ян).

Франц Кромер, грубый, невоспитанный мальчишка, олицетворяет темное начало Синклера, которое он в силу своего детского возраста подавляет в себе. Макс Демиан, целостная, гармоничная, просветленная личность, символизирует внутреннее «я» рассказчика, где сокрыты изначальный божественный свет и безусловная любовь. Демиан, достигший в себе единства инь и ян, ставший свободным и смелым человеком, является также символом духа человечества вообще, человечества эпохи войны, которое вынуждено собрать все силы, чтобы отыскать в себе добро и сострадание, мужество и стойкость – так называемого Демиана, свое истинное внутреннее «я». Одноклассники Эмиля Альфонс Бек и Кнауэр отображают борьбу Синклера со своим темным миром – сексуальным желанием, которое на самом деле является естественным проявлением человеческой природы. Кроме того, они указывают на одиночество героя и его желание примкнуть к стадному обществу посредством пьянства, а также желание покончить жизнь самоубийством из-за невозможности примирить в себе два мира. Тяга к объединенности (существующая также в Европе) – это страх перед истинной сутью человека, перед самим собой. Музыкант Писториус раскрывает Синклеру более сложную модель личности человека, в которой заключено единство множества миров; он символизирует неспособность Эмиля для достижения индивидуализации, нахождения внутреннего «я» в духе дзэн-буддизма и даосизма оторваться от привязанностей (мира отцов и стадного общества) и авторитетных учений, оставшись в полном одиночестве. Музыкант, как и Демиан, обучает Синклера медитациям, самопогружению и молчанию, что также является неотъемлемыми принципами даосизма и дзэн-буддизма. Писториус указывает на желание Эмиля изменить мир, когда в действительности все, что требуется от «пробужденных» – это прийти к себе, ведь, согласно конфуцианству преобразование мира начинается с отдельного человека. Ева, мать Демиана, олицетворяет как естество повествователя, его внутреннее «я», так и «праматерь» человечества, исток, к которому должен вернуться мир после разрушительной войны.

Герой Эмиль Синклер достигает единства противоположностей инь и ян, отыскивает свое внутреннее «я», своего Демиана, оставаясь при этом

внешне одиноким, но косвенно указывая на надежду, что такие люди, как Синклер, будут стоять у истока рождения нового послевоенного мира.

Главный герой романа Германа Гессе «Сиддхартха» всю жизнь находится на пути самосовершенствования и познания истины. Он стремится отыскать свое внутреннее истинное «я», свой атман. Будучи рожденным в семье брахмана, члена высшей индуистской касты, Сиддхартха с детства был приучен к священнослужениям индуизма: священным омовениям и жертвоприношениям, искусству наблюдения и медитации, беззвучному произношению священного слога «ом», умению чувствовать в себе атман. Однако, чувствуя одиночество и непонимание окружающих, движимый жаждой отыскать свой собственный атман и понять его истинную суть, Сиддхартха со своим другом Говиндой отправляется в паломничество вместе с аскетами-саманами. Герой освобождается от мира отцов, привязанностей, что является принципом дзэн-буддизма.

У саман Сиддхартха учится всем формам аскетизма: отказу от удобной красивой одежды, посту (употреблению сырой пищи один раз в день), добровольному самоистязанию (намеренному причинению боли), остановке дыхания и замедлению сердцебиения. Цель Сиддхартхи у саман – это освобождение от самости через медитацию, через переселение из своего «я» в другие обличия, что является бегством от себя, от своего «я». Проповедь просветленного Готамы Будды также не приносит герою должного удовлетворения. Сиддхартха в духе даосизма и дзэн-буддизма считает, что авторитетные знания и всевозможные учения мешают достижению Дао, т.е. нахождению своего подлинного «я». Главный герой освобождается от всякого рода учений и выбирает самостоятельный путь саморазвития, пролегающий через чувственный опыт. Говинда становится учеником Будды, указывая читателю (как олицетворение одной из ипостасей Сиддхартхи) на то, что главный герой душой остается с Возвышенным, избирая своей жизненной целью достижение просветления по примеру Будды.

С помощью куртизанки Камалы герой познает чувственные наслаждения. Сиддхартха долго живет в городе, познает богатство и роскошь, грехи мирской жизни: чревоугодие, гордость, стяжательство, лень, дурное настроение. Гессе, таким образом, развивает в романе китайскую философскую концепцию инь и ян (Сиддхартха раскрывает в себе природные инстинкты, темное женское начало (инь), символом которого является куртизанка Камала) и принцип даосизма – цивилизация и культура, все искусственное, что создано человеком, является помехой на пути к просветлению, достижению Дао. Человек, избравший духовный путь, вынужден возвратиться к природе, чтобы достичь своего изначального состояния, т.е. отыскать свое «я». Сиддхартха не чувствует себя полноценным членом общества, он остается одиноким сторонним наблюдателем. Отчаяние, ненависть и презрение к самому себе толкают героя к самоубийству, однако Сиддхартху спасает рожденный в его душе звук «ом», означающий совершенство и преображение.

Герой остается жить у реки вместе с перевозчиком, святым мудрецом Васудевой. Они занимаются медитациями, успокоением ума. Сиддхартха учится слушать реку, и благодаря ей к нему приходит множество духовных озарений: о единстве вневременного многообразия в каждом человеке (что является одним из принципов концепции инь и ян), о неизменности и бессмертии внутреннего «я», о том, что главное в жизни – это безусловная любовь ко всему живому. Благодаря отчаянной любви к сыну, герой отбросил презрение к мирской жизни и с пониманием и уважением стал относиться к суетным заботам обывателей, видя в каждом человеке священный огонь атмана. Сиддхартха остается жить в одиночестве среди божественной природы и достигает просветления. Герой соединяет в себе не только два полюса инь и ян, обретая тем самым гармонию и целостность. Он также осознает в себе и в любом другом человеке множество различных лиц, образующих единство вневременного, что делает Сиддхартху Возвышенным, Буддой.

Мотив одиночества в романе «Паломничество в Страну Востока» связан с проблемами творческой личности. Главный герой произведения, будучи деятелем искусства, писателем, находится в постоянных поисках своего предназначения и места в мире и всю жизнь пребывает в одиночестве. Он пытается научиться жить с данным недугом.

В юности герой чувствовал сопричастность к Братству, которое трактуется в романе как вечная и вневременная совокупность людей искусства всего мира. Члены Братства совершают паломничество без технических средств передвижения в духе даосизма к истокам своей души, в которой заключен божественный свет, любовь, а также единство многообразия целой Вселенной. Движимые высокими духовными целями привнести добро и любовь в мир, они ищут способы осуществить свое предназначение художника-творца. Со временем герой теряет божественный след в своей душе и членство в Братстве. Г. Г. считает свое мастерство художника-творца неплодотворным и бесполезным, так как живет во времена упадка культуры и моральных ценностей человечества. Г. Г. мнит себя одиноким в своих страданиях, однако существует множество творческих людей, которые так же остро переживают общественно-политические проблемы эпохи. Герой проходит через ступень полного отчаяния, его посещают мысли о самоубийстве, однако со временем он перестает видеть в этом избавление от одиночества. Благодаря Лео, слуге и Верховному Братства, Г. Г. осознает, что истинное искусство живет вечно, и в его руках пробуждать в людях высшие духовные ценности. В этом и заключается главная жизненная цель человека искусства. Однако творец-художник должен уметь относиться к жизни с юмором и наслаждаться ею.

Лео в романе выступает как образ целостной, гармонично развитой личности, достигшей просветления. Эпизод с рычащим на главного героя волкодавом Неккером, где образ волка служит символом темной стороны (инь) Г. Г., указывает на дисгармонию двух начал инь и ян главного героя, его неспособность существовать в двух мирах (мещанском и духовном) одновременно.

Финальная сцена романа «Паломничество в Страну Востока», в которой представлена фигурка Лео, постепенно перетекающая в силуэт главного героя, указывает на приближение Г. Г., подобно Эмилю Синклеру и Сиддхартхе, к достижению гармонии, внутренней свободы и подлинного счастья.

Для раскрытия проанализированных нами способов художественного воплощения восточной темы писателем были употреблены такие художественные средства, как эпитеты, олицетворения, сравнения, метонимии, повторы, перечисления, градации, антитезы, многосоюзие, риторические восклицания и вопросы.

PolotskSU

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев, С.С. Герман Гессе / С.С. Аверинцев // Поэты / С.С. Аверинцев. – М.: 1996. – С. 327–353.
2. Аверинцев С.С. Путь Германа Гессе / С.С. Аверинцев // Русский филологический портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature3/averintsev-77.htm>. – Дата доступа: 11.04.2017.
3. Бараш, О. Сочинитель Герман Гессе / О. Бараш // Hermann Hesse [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hesse.ru/articles/read/?ar=barash>. – Дата доступа: 21.01.2017.
4. Гессе, Г. Детство волшебника / Герман Гессе // Hermann Hesse [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hesse.ru/books/story/?story=2>. – Дата доступа: 24.02.2017.
5. Гессе, Г. Игра в бисер / Г. Гессе; пер. с нем. С.К. Апта. – М.: АСТ, 2015. – 464 с.
6. Гессе, Г. Курортник. Степной волк. Нарцисс и Гольдмунд: роман, повести / Г.Гессе; пер. с нем. В. Курелла, С. Апта, Р. Эйвадиса. – СПб.: Амфора, 2000. – 633 с.
7. Гессе, Г. Магия книги. Эссе о литературе / Г. Гессе; пер. с нем. Г. Снежинской. – СПб., М.: ЛИМБУС ПРЕСС, 2010. – 336 с.
8. Гессе, Г. Паломничество в Страну Востока / Герман Гессе // Hermann Hesse [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hesse.ru/books/read/?book=vostok>. – Дата доступа: 19.02.2017.
9. Гессе, Г. Письма по кругу / Г. Гессе; пер. с нем. В.Д. Седелника и др. – М.: Прогресс, 1987. – 400 с.
10. Гессе, Г. Собрание сочинений: в 8 т. / редкол.: Н.С. Павлова [и др.]. – М.: «Прогресс» – «Литера», 1994. – Т. 2: Демиан / Н.С. Павлова [и др.]. – 1994. – С. 205–324.
11. Гессе, Г. Собрание сочинений: в 8 т. / редкол.: Н.С. Павлова [и др.]. – М.: «Прогресс» – «Литера», 1994. – Т. 3: Сиддхартха / Н.С. Павлова [и др.]. – 1994. – С. 5–95.
12. Гессе, Г. Собрание сочинений: в 8 т. / редкол.: Н.С. Павлова [и др.]. – М.: «Прогресс» – «Литера», 1995. – Т. 4 / Н.С. Павлова [и др.]. – 1995. – 432 с.
13. Гессе, Г. Собрание сочинений: в 8 т. / редкол.: Н.С. Павлова [и др.]. – М.: «Прогресс» – «Литера», 1995. – Т. 7 / Н.С. Павлова [и др.]. – 1995. – 480 с.
14. Гессе, Г. Собрание сочинений: в 8 т. / редкол.: Н.С. Павлова [и др.]. – М.: «Прогресс» – «Литера», 1995. – Т. 8 / Н.С. Павлова [и др.]. – 1995. – 384 с.
15. Гутманис А.Э. Традиции и современность в творчестве Гессе 30-х годов: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.01.05 / А.Э. Гутманис; Москва, 1986. – 19 с.

16. Гучинская, Н.О. История зарубежной (немецкой) литературы: (Р.М. Рильке, Г. Гессе, Ф. Кафка, Г. Манн): лекции / Н.О. Гучинская; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И.Герцена. – СПб.: Образование, 1993. – 57 с.
17. Далыкова-Парфинович, В.С. Калачакра, пространство и время в тибетском буддизме / В.С. Далыкова-Парфинович // Гленн Муллин. Практика Калачакры. – М.: Беловодье, 2002. – С. 5–22.
18. Золотухина, О.Б. Эволюция психологизма Германа Гессе / О.Б. Золотухина. – Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2007. – 163 с.
19. История немецкой литературы: в 3 т. / пер. с нем. А. Гугнина, В. Вебера и др.; редкол.: А. Дмитриева [и др.]. – М.: Радуга, 1986. – Т. 3 / А. Дмитриева [и др.]. – 1986. – С. 94–96.
20. История швейцарской литературы / редкол.: В.Д. Седельник [и др.]. – М.: ИМЛИ РАН, 2005. – Том III. Глава 17. Поэзия немецкоязычной Швейцарии после Второй мировой войны / В.Д. Седельник [и др.]. – 2005. – С. 446–464.
21. Канарш, Г.Ю. Герман Гессе. Жизнь и тв-во. (Психотерапевтический очерк) / Г.Ю. Канарш // Hermann Hesse [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hesse.ru/articles/read/?ar=kanarsh&page=1>. – Дата доступа: 11.03.2017.
22. Каралашвили, Р.Г. Паломничество Гессе в страну Востока / Р.Г. Каралашвили // Восток – Запад: Исследования. Переводы. Публикации / редкол.: Л.Б. Алаев [и др.]. – М.: Наука, 1982. – С. 174–215.
23. Каралашвили, Р.Г. Философские основы позднего творчества Г. Гессе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.05 / Р.Г. Каралашвили; Тбилис. гос. ун-т. – Тбилиси, 1971. – 32 с.
24. Кацук, Н.Л. Гессе Герман / Н.Л. Кацук // Постмодернизм: энциклопедия.– Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – С. 159.
25. Кузнецова, Н.В. Восток в художественном мире Германа Гессе («Демиан») / Н.В.Кузнецова // Проблемы истории литературы: сб. ст. / Ин-т славяноведения РАН, Моск. гос. открыт. пед. ун-т им. М.А.Шолохова, Полоцкий гос. ун-т; отв. ред. А.А. Гугнин. – М., Новополюцк, 2001. – Вып. 13. – С. 145–152.
26. Кузнецова, Н.В. Восток в художественном мире Германа Гессе («Сиддхартха») / Н.В.Кузнецова // Проблемы истории литературы: сб. ст. / Ин-т славяноведения РАН, Моск. гос. открыт. пед. ун-т им. М.А.Шолохова, Полоцкий гос. ун-т; отв. ред. А.А. Гугнин. – М., Новополюцк, 2008. – Вып. 20. – С. 267–286.
27. Лагутина, И. Символическая реальность Гете. Поэтика художественной прозы / И.Лагутина. – М.: Наследие, 2000. – 280 с.
28. Лао-Цзы, Дао-Дэ-Цзин / Лао-Цзы; под. ред. В. Антонова. – Одесса: New Atlanteans, 2009. – 60 с.
29. Ле-цзы, «Ле-цзы» / Ле-цзы // Электронная библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [file:///C:/Users/adm/Downloads/Chzhuan-czi%20\(perevod%20V.V.%20Malyavina\).pdf](file:///C:/Users/adm/Downloads/Chzhuan-czi%20(perevod%20V.V.%20Malyavina).pdf). – Дата доступа: 08.03.2017.

30. Литературный процесс в Германии первой половины XX века / редкол.: В.Д. Седельник, Т.В. Кудрявцева [и др.]. – М.: ИМЛИ РАН, 2015. – Герман Гессе / В.Д. Седельник, Т.В. Кудрявцева [и др.]. – 2015. – С. 400–432.
31. Лунь Юй, Аналекты Конфуция / Лунь Юй // LibreBook [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://librebook.ru/analects>. – Дата доступа: 12.01.2017.
32. Лучук, Т.В. Восточноевропейские корни творчества Иоганесса Бобровского: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.01.04 / Т.В. Лучук; Киев, 1990. – 17 с.
33. Лысова Н.Б. «Хвілінка» з савецкіх гадоў жыцця ў кантэксте філасофіі старажытных часоў, або Вобразы часу ў рамане Ігара Бабкова / Н.Б. Лысова // Антропология времени: Сборник научных статей, Гродно, 2017 г.: в 2 ч. / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: Т.Е. Автухович [и др.]. – Гродно, 2017. – Ч. 1. – С. 187–193.
34. Маммедзаде, Н. Гессе и Восток / Н. Маммедзаде // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sn-philolsocom.crimea.edu/arhiv/2013/uch-26-2filol/078_mam.pdf. – Дата доступа: 29.04.2017.
35. Моакани, Р. Психология Юнга и тибетский буддизм: Западный и восточный пути к сердцу / Р. Моакани; пер. с англ. И. Миняшиной, А. Матвеева. – Томск: Водолей, 1993. – 112 с.
36. Мориц, Ю. К особенностям сюжетной структуры в «Сиддхартхе» Германа Гессе / Ю. Мориц // Художественный язык литературы 20-х годов XX века: К 70-летию проф. В.П. Скобелева: сб ст. / Самар. гос. ун-т; науч. ред. Н.Т. Рымарь. – Самара: Самар. гуманитар. акад., 2001. – С. 120–127.
37. Мэн-цзы, Мэнцзы / Мэн-цзы; пер. с кит. В.С. Колоколова. – СПб.: 1999. – 272 с.
38. Мюнстер, Е.Г. Гессе и психоанализ / Е.Г. Мюнстер // Hermann Hesse [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hesse.ru/articles/muenster/read/?ar=psh>. – Дата доступа: 07.09.2016.
39. Мюнстер, Е.Г. Свобода творчества / Е.Г. Мюнстер // Hermann Hesse [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hesse.ru/articles/muenster/read/?ar=st>. – Дата доступа: 02.03.2017.
40. Науменко, А. Писатель, околдованный книгой / А. Науменко // Hermann Hesse [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hesse.ru/articles/read/?ar=writer&page=1>. – Дата доступа: 21.12.2016.
41. Рожкова, Н.В. Феноменология искусства в творчестве Германа Гессе / Н.В. Рожкова // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/fenomenologiya-iskusstva-v-tvorchestve-germana-gesse>. – Дата доступа: 30.04.2017.

42. Справочник по религии / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sr.artap.ru/index.htm>. – Дата доступа: 18.04.2017.
43. Терехова, Т.В. Проблематика и особенности поэтики раннего творчества Германа Гессе 1890-х – 1920-х годов / Т.В. Терехова // Библиотека диссертаций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/literatura-mira/problematika-i-osobennosti-pojetiki-rannego-tvorchestva-germana-gesse-1890-h-1920-h.html>. – Дата доступа: 17.04.2016.
44. Тошов, Х.И. Тенденция синтеза культур Запада и Востока в творчестве Гессе / Сборники конференция НИЦ Софиосфера, №45 / Х.И. Тошов / Нац. университет Узбекистана им. М. Улугбека / Ташкент, Узбекистан, 2014 г., стр. 36–45. // eLIBRARY [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/download/73556954.pdf>. – Дата доступа: 14.11.2016.
45. Фу-Си, И цзин. Книга перемен / Фу Си; под ред. А.И. Кобзева. – М.: Наука, 1993. – 583 с.
46. Целлер, Б. Герман Гессе сам о себе / Бернхард Целлер; пер. Е. Нечепорука. – Челябинск: Урал LTD, 1998. – 310 с.
47. Чжуан-цзы, «Чжуан-цзы» / Чжуан-цзы // Электронная библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [file:///C:/Users/adm/Downloads/Chzhuan-czi%20\(perevod%20V.V.%20Malyavina\).pdf](file:///C:/Users/adm/Downloads/Chzhuan-czi%20(perevod%20V.V.%20Malyavina).pdf). – Дата доступа: 08.03.2017.
48. Юнг К.Г. Психология бессознательного / К.Г. Юнг – М.: 1996. – 105 с.
49. Baumann, G. Der archetypische Heilsweg. Hermann Hesse, C.G. und die Weltreligionen / G. Baumann. – Rheinfelden: Schäuble, 1990. – 110 S.
50. Baumann, G. Hesse und Indien / G. Baumann // [Elektronische Ressource]. – Zugriffsmodus: <http://www.gss.ucsb.edu/projects/hesse/papers/baumann-indien.pdf>. – Freigabedatum: 10.03.2017.
51. Deutsche Dichter / herausgeg. von G.E. Grimm, F.R. Max. – Stuttgart: Philipp Reclam jun. Stuttgart, 1989. – B.7. Vom Beginn bis Mitte des 20. Jahrhunderts. Hermann Hesse / G.E. Grimm, F.R. Max. – 1989. – S. 102–118.
52. Hilscher, E. Poetische Weltbilder. Essays über H. Mann, T. Mann, H. Hesse, R. Musil, L. Feuchtwanger / E. Hilscher. – Berlin: Buchverlag der Morgen, 1977. – 246 S.
53. Hesse, H. Ausgewählte Briefe. Zusammengestellt von H. Hesse u. a. / H. Hesse. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1974. – 560 S.
54. Hesse, H. Aus Indien. Aufzeichnungen, Tagebücher, Gedichte, Betrachtungen und Erzählungen / H. Hesse; Hrg. v. V. Michels. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1981. – 542 S.
55. Hesse, H. Blick nach dem Fernen Osten, hrst. von V. Michels / H. Hesse. – Frankfurt am M., 2002. – S. 458.
56. Hesse, H. Briefe an Freunde: Rundbriefe 1946–1962 / H. Hesse. – 2 Aufl. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1977. – 262 S.

57. Hesse, H. Das Glasperlenspiel / H. Hesse. – 5. Aufl. – Berlin: Suhrkamp Verlag, 2014. – 922 S.
58. Hesse, H. Demian. Die Geschichte von Emil Sinclairs Jugend / H. Hesse. – Berlin: Suhrkamp Verlag, 2014. – 110 S.
59. Hesse, H. Die Morgenlandfahrt / H. Hesse. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1990. – 123 S.
60. Hesse, H. Kleine Freuden / H. Hesse. – 5. Aufl. – Berlin: Suhrkamp Verlag, 1981. – 415 S.
61. Hesse, H. Klingsors letzter Sommer. Erzählungen / H. Hesse. – Berlin: S. Fischer Verlag, 1920. – 215 S.
62. Hesse, H. Narziss und Goldmund: Erzählung / H. Hesse. – 2 Aufl. – Berlin, Weimar: Aufbau-Verlag, 1972. – 333 S.
63. Hesse, H. Siddhartha. Eine indische Dichtung / H. Hesse. – Berlin: Suhrkamp Verlag, 2014. – 116 S.
64. Hesse, H. Stufen / H. Hesse. – Berlin: Insel Verlag, 2013. – 305 S.
65. Hsia, A. Hermann Hesse und China. Darstellung, Materialien und Interpretation. Mit zahlreichen Abbildungen / A. Hsia. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1974. – 339 S.
66. Koller, G. Kastalien und China. Bemerkungen zu Hermann Hesses Werk «Das Glasperlenspiel» / G. Koller // Annales Universitatis Saraviensis. Philosophie. – Lettres. Jg. 1. H. 1. – Saarbrücken, 1952. – S. 5–18.
67. Lützkendorf, F. Hermann Hesse. Beziehungen zur Romantik und zum Osten / F. Lützkendorf. – Bergdorf, 1932. – 186 S.
68. Mayer, G. Die Begegnung des Christentums mit den asiatischen Religionen im Werk H. Hesses / G. Mayer. – Bonn: Röhrscheid, 1956. – 181 S.
69. Neumann, E. Die Bedeutung der spätbürgerlichen Philosophie und der Tiefenpsychologie für Hermann Hesse bis zur Entstehung der Erzählung «Siddhartha» / E. Neumann // Wissenschaftliche Zeitschrift der Päd. Hochschule Potsdam. – 9. Jg. – 1965, H. 1. – S. 79–92.
70. Pannwitz, R. Hermann Hesses West-östliche Dichtung / R. Pannwitz. – Stuttgart: Jäckh, 1957. – 59 S.
71. Rattner, J. Literaturpsychoanalyse und Biographik. Hermann Hesse: Andeutungen zu einer Psychographie / J. Rattner // Jahrbuch für Verstehende Tiefenpsychologie und Kulturanalyse. Bde. 2. – Berlin: Verlag für Tiefenpsychologie, 1982. – Bd. 2. – S. 143–159.
72. Schmid, H.R. Hermann Hesse / H.R. Schmid. – Frauenfeld: Verlag v. Huber & Co, 1928. – 218 S.
73. Unseld, S. Der ostasiatische Hintergrund zu Hermann Hesse Rut «Sein du selbst» / S. Unseld // Suche nach Einheit. Hermann Hesse und die Religionen. Hrsg. von W. Böhme. – Stuttgart u. Frankfurt a. M., 1978. – S. 38–54.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ НАУЧНЫХ РАБОТ

1. Сапега В.Н. Образная реализация темы одиночества в творчестве Г. Гессе: образ волка. [Электронный ресурс] / В.Н. Сапега // Электронный сборник Трудов молодых специалистов Полоцкого государственного университета. Сер. Образования. Педагогика. – Выпуск 13 (83). – Новополоцк, 2016. – С. 115–118. – Электронный оптический диск – 1 диск.
2. Сапега В.Н. Образная реализация темы одиночества в творчестве Г. Гессе: образ города [Электронный ресурс] / В.Н. Сапега // Электронный сборник Трудов молодых специалистов Полоцкого государственного университета. Сер. Образования. Педагогика. – Выпуск 13 (83). – Новополоцк, 2016. – С. 111–114. – Электронный оптический диск – 1 диск.
3. Трофимчук В.Н. Тема любви в немецкой поэзии XVIII века / В.Н. Трофимчук // Труды молодых специалистов Полоцкого государственного университета. Гуманитарные науки. – Выпуск 65. – Новополоцк, 2013 г. / Полоц. гос. ун-т; редкол.: Д.Н. Лазовский [и др.]. – Новополоцк, 2013. – С. 117–119.
4. Трофимчук В.Н. Трансформация образа любимой у Гёте: от первых поэтических опытов до «западно-восточного» дивана / В.Н. Трофимчук // Труды молодых специалистов Полоцкого государственного университета. Гуманитарные науки. – Выпуск 65. – Новополоцк, 2013 г. / Полоц. гос. ун-т; редкол.: Д.Н. Лазовский [и др.]. – Новополоцк, 2013. – С. 115–116.
5. Sapega V., Gugnin A. Figurative realization of the subject of solitude in Hermann Hesse's works: the wolf image / V. Sapega, A. Gugnin // European and National Dimension in Research: IX Researchers' Conference, Novopolotsk, April 26–27, 2017 // Polotsk State University; ed. D. Lazouski [et al.]. – Novopolotsk, PSU, 2017. – P. 10–13.
6. Sapega V., Siamchonak L. The motive of loneliness in Hermann Hesse's lyrical heritage / V. Sapega, L. Siamchonak // European and National Dimension in Research: VIII Researchers' Conference, Novopolotsk, April 27–28, 2016: in 3 p. // Polotsk State University; ed. D. Lazouski [et al.]. – Novopolotsk, PSU, 2016. – P. 1. – P. 45–47.